

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 3–4 2021
March– April**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 3–4 2021 (March– April)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees.

Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at:

<http://ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Study of art

Искусствоведение

УДК 786.2 + 78.03 + 78.085.21

DOI: 10.29013/AJH-21-3.4-3-8

И. А. ТИМЧЕНКО-БЫХУН,¹¹ Киевская муниципальная академия музыки имени Р. М. Глиэра

«АНДАЛУЗСКИЙ ТАНЕЦ» М. ГЛИНКИ И ЕГО АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Аннотация

Цель: охарактеризовать последнюю миниатюру М. Глинки «Андалузский танец» (1855 г.) с учетом эволюционных процессов его фортепианного стиля через призму автобиографической доминанты.

Методы: принцип методики культурологического комментария, разработанного в музыковедении С. Тышко в соавторстве с С. Мамаевым и с Г. Куколь, примененный как аналитический комментарий к музыкальному тексту и реализованный посредством совмещения биографических сведений и смыслов произведения в контексте эволюционных процессов и константных признаков композиторского стиля; принципы интонационно-стилевого анализа.

Результаты: изучение художественных и автобиографических смыслов заключительной фортепианной пьесы Глинки, рассмотренной в соответствии с принципами исследования музыкальных сочинений и фактов творческой биографии композитора в неразрывной связи, подтверждает тезис: миниатюры последнего творческого десятилетия Глинки отмечены общей композиторской установкой обращения к собственному прошлому, т.е., автобиографичны.

Новизна: фортепианная миниатюра «Андалузский танец» впервые подробно рассматривается в контексте не только фортепианного наследия М. Глинки, но и единого композиторского текста, включающего в себя литературные, музыкальные произведения и эпистолярные; впервые посредством аналитического комментария к музыкальному тексту пьесы выявлены автобиографические смыслы миниатюры.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в курсах истории мировой и славянской музыки, в курсах анализа музыкальных произведений и музыкальной интерпретации.

Ключевые слова: фортепианные миниатюры М. Глинки, композиторский стиль последних лет, автобиографические смыслы, аналитический комментарий к музыкальному тексту, фортепианное наследие как единый текст, смысловые доминанты сочинения.

Для цитирования: Тимченко-Бухун И. А. «Андалузский Танец» М. Глинки и его автобиографические смыслы // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №3–4. – С. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-3.4-3-8>

Введение

Последнюю фортепианную миниатюру «Андалузский танец» «Las Mollares» М. Глинка написал

в Петербурге в 1855 году. Ее связь с испанскими впечатлениями Глинки известна: например, Н. Загорный называет миниатюру фортепианной записью испанского

танцевального напева [3, с. XI], а Т. Ливанова и Вл. Протопопов указывают на использование подлинной мелодии испанского танца, подчеркивая: «В. Стасов называет эту пьесу отрывком из испанского альбома Глинки» [1, с. 127].

«Андалузский танец» относится к числу самых минималистичных по объему пьес Глинки, напоминающих художественные зарисовки, и в этом смысле соотносится с целым рядом танцевальных миниатюр разных лет, такими, как «Прощальный вальс», «Мазурки» 1834, 1835, 1852 гг. и др. «Андалузский танец» завершает список фортепианных сочинений композитора. Будучи очевидно обращена к темам прежних лет, пьеса не привлекала специального исследовательского внимания, и тем более, не рассматривалась в контексте смысло-образности позднего композиторского стиля. Аналитический комментарий к музыкальному тексту пьесы, ориентированный на неразрывную связь биографических фактов и творческого результата в ретроспективном векторе исследования, раскрывает культурно-эстетические и автобиографические смыслы заключительного фортепианного произведения Глинки, обнаруживает ключевые установки композиторского мышления последних творческих лет. Кроме того, он позволяет осознать интеллектуальную наполненность его музыки, которую отмечал Б. Асафьев: «В Глинке прежде всего бросается в глаза рациональная организованность его музыки, его глубокий интеллектуализм и тонкий артистизм» [Цит. по: 2, с. 6].

Результаты исследования

Пьеса «Андалузский танец» была издана В. Деноткиным под названием: *Las Mollares*. Андалузский танец, переложенный для фортепиано М. Глинкой; посвящена певице-любительнице Л. И. Беленицыной (на это указывает Н. Загорный [3, с. 436]). Однако, нас не должно вводить в заблуждение первоначальное название, намекающее на жанр переложения, т.е., обработки или транскрипции: отточенная за годы виртуозность глинкинского переосмысления заимствованного музыкального материала в данном случае устранила границы между своим и чужим – а испанский танец обрел статус глинкинского воспоминания о нем.

Существуют ли ныне сведения о заимствованной танцевальной теме?

Подлинник испанского танца не входит в число семнадцати записей, зафиксированных композитором в результате испанской поездки в известной

нотной тетради, – об этом пишется в комментариях к последнему испанскому письму М. Глинки матери от 12 декабря 1846 года из Севильи издания «Литературные произведения и переписка» [4, с. 282]. Это подтверждается и в соответствующих комментариях к «Запискам»: «Некоторые испанские напевы, использованные Глинкой (как, например, в Полонезе *F-dur*, или в андалузском танце «*Las Mollares*»), в записях не обнаружены [5, с. 406]. Что неудивительно: конечно, множество испанских напевов осталось исключительно в памяти Глинки, вместе с многочисленными иными танцевальными темами, порой ждущими своего музыкального воплощения вплоть до 30 лет (как произошло с темой, послужившей основой «Детской польки» 1854 года). Это, по сути, подтверждается в уже упомянутых комментариях к письмам композитора: «В воспоминаниях лиц, близких к Глинке, (Л. И. Шестакова, Н. А. Степанов и др.) неоднократно говорится о том, что по возвращении из Испании Глинка и дон Педро исполняли на гитаре и фортепиано и пели много разных испанских напевов» [4, с. 283].

Посмотрим на этот вопрос более широко. Авторы монографии «Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть III. Путешествие на Пиренеи или испанские арабески» С. Тышко и Г. Куколь, – беспрецедентно полного современного исследования испанских лет Глинки, утверждают неэффективность поиска прямых соответствий испанских музыкальных впечатлений и сочинений Глинки: «Что же касается многочисленных записей и обработок испанского фольклора, то это все-таки очень специфическая область музыкальной деятельности, и ее очень трудно сравнивать с операми, симфоническими, фортепианными произведениями или романсами» [6, с. 26]. А в результате вовсе исключают возможность установления прямых связей биографических фактов испанского периода и глинкинских пьес: «... Она (Испания. – И.Т.-Б.) отозвалась художественным «взрывом» буквально год-два спустя и проявила себя как в сочинениях на испанскую тему или с испанскими интонациями, так и в музыке, которая Испании совсем не касается» [6, с. 27].

А мы, следом за авторами книги о глинкинской Испании, повторим процитированные ими слова Умберто Эко о том исследовательском пути, который определяет, «что писать невозможно иначе как наводя вытертые строки случайно найденной рукопи-

си...» [Цит. по: 6, с. 3]. И обратимся к поиску смысловой доминанты сочинения.

«Андалузский танец (Las Mollares)» написан в тональности G-dur, размере 3/8; в указании темпа обозначено *Tempo di mazurka*.

И действительно, пьеса близка глинкинским мазуркам преобладанием светлого настроения, общим подвижным характером, ритмической четкостью и упругостью, а также не столько однообразием аккомпанемента, сколько преобладанием повтора ритмических фигур баса – движения трех восьмых. Выбор тональности пьесы объясняется, по-видимому, ее удобством для Глинки-пианиста, а также представлением композитора о ее колорите, т.е., мотивами как эстетическими, так и техническими. Отдавая предпочтение в области пианизма тональностям с небольшим количеством знаков (до четырех), Глинка неоднократно возвращается к G-dur: например, в Мазурке (1829), Вальсе и разделе № 3 Контраданса (1839), «Баркароле» (1847). Эти факты свидетельствуют, что вопрос тональных приоритетов Глинки в области фортепиано на сегодняшний день не исследован в достаточной мере; так, в основополагающем исследовании «Гармония Глинки» В. Берков склоняется к мнению: значимость колорита тональных соотношений в глинкинской музыке преобладает над красочностью звучания тональности как таковой [2, с. 152]. Чему, однако, можно возразить, вспомнив, например, семантику бемольных тональностей в сфере ноктюрново-романсовой лирики композитора, см.: [7]. Остается признать, что этот вопрос требует специального рассмотрения, поскольку предполагает обращение к необходимому набору фактов – но и отметить: логика тональных приоритетов пианизма Глинки мотивирована как рациональными, так и эмоционально-художественными причинами.

Композиция миниатюры «Андалузский танец», в соответствии с характерным для Глинки объединением нескольких формообразующих принципов, совмещает признаки рондо и трех-пятичастной формы.

Тема-рефрен основана на ритмо-интонационной танцевальной формуле, составляющей тематическое зерно пьесы. Это двутактовый мотив: в целом, структурной единицей миниатюры являются двутактовые формулы. Повторенные аккорды правой руки в ритмически четком оформлении (восьмая – группа четырех шестнадцатых – две шестнадцатые – четвертная длительности) накладываются на ровное движение острых

стаккатных восьмых баса; гармоническая основа меняется каждый такт. Характерность мотиву придает остринатность повторяющегося ритмического рисунка. Иными словами, если в каждом первом такте мотива дробятся вторая и третья доли, то в каждом втором – первая, что создает ощущение синкопы и придает теме движение. Усиление звучности создается во втором предложении за счет появления в левой руке октавных ходов; на фоне четырехзвучных аккордов правой, они обретают некоторую тяжеловесность.

Рефрен пьесы – первоначальная тема – имеет неквадратное строение, что обусловлено спецификой музыкального материала испанского танца с его контрастом ритмически четкой несколько грузной первой темы и грациозно-легкой второй: если первое предложение состоит из 8 тактов, то второе, повторного строения, интонационно основанное на предыдущем, сокращено в два раза (ритмоформульный мотив проводится не четырежды, а дважды). В целом, рефрен возвращается трижды без изменений, создавая конструкцию арки.

Вторая тема пьесы ярко контрастна первой. Она грациозна, и в ней, без сомнения, проявляется женское начало, в противоположность напористо-мужественной теме-рефрену – она близка грациозным темам мазурок Глинки. В мелодической линии, изложенной однополосно, использованы различные ритмические группы: синкопы, пунктир, фигуры из шести шестнадцатых длительностей. Создавая своеобразную цезуру, композитор отделяет вступление рефрена остановками на арпеджированных четвертных нотах. В результате, основой танца оказывается музыкальный диалог двух контрастных тем – аккордово-упругой, напористой начальной темы или темы-рефрена и грациозно-прихотливой темы мазурки.

Миниатюра «Андалузский танец» обращена к образам и темам прошлого – к фортепианным мазуркам самого композитора и к испанским впечатлениям, обретшим к этому времени для Глинки смысловую целостность. Но главное: последняя фортепианная пьеса художника светлого мировосприятия направлена на образы и смыслы счастливых испанских воспоминаний.

Впечатления от Испании оставили особый след в памяти Глинки. Путешественников, въезжающих в Андалузию, поражал «природный контраст», ее «уникальный и климат, и не менее уникальная растительность» [6, с. 304]. «Именно это благословенную

страну, – пишут С. Тышко и Г. Куколь, – открывал для себя Глинка утром 28 ноября 1845 года, спускаясь в долину по склону Сьерра-Морены, особенно крутому с южной стороны, и по свойственной ему привычке не оставляя без внимания ни зелень травы, ни вечнозеленых дубов, ни оливковых рощ, ни агав...» [6, с. 305]. Память о счастливом времени, своеобразном Элизиуме, была связана у Глинки, в особенности в последние годы, с образом одной из южных стран, в которых ему удалось побывать – Италией и Испанией.

В письмах Глинки последнего десятилетия неоднократно звучат ностальгические мотивы, исполненные надежды вернуться в Италию; а уж об ощущении счастья и покоя в испанские годы вполне убедительно свидетельствуют письма, приведенные в III томе «Странствий Глинки»: «Здесь меня не трогают, и это, может быть, главная причина моего спокойствия»; «здесь никто и ничто меня не беспокоит, ничто не напоминает о прошлых страданиях»; «я совершенно забываю мои огорчения, живу по-своему, занят...»; «я здесь живу тихо, спокойно (как никогда еще не жил), и весьма естественно, что желаю продлить это время»; «живу спокойно и наболевшее сердце мое здесь отдыхает» [6, с. 40].

Испания избавила композитора от мрачных дум и тяжелых петербургских воспоминаний, связанных с долгим бракоразводным процессом, сплетнями света, потерями близких. Но воспоминания Глинки последнего десятилетия – это его фортепианные миниатюры, обращающие печаль и разочарование в свет, а радость и счастье – в танец. Гармония – как воплощение равновесия амбивалентных жизненных начал, отражена в его миниатюрах 50-х годов в истинно глинкавском балансе ясности формы и эмоциональной полноты содержания. И здесь уместно привести рассуждение С. Аверинцева: ««Форма» контрапунктически спорит с «содержанием», дает ему противовес, в самом своем принципе содержательный; ибо «содержание» – это каждый раз человеческая жизнь, а «фор-

ма» – напоминание обо «всем», об «универсуме», о «Божьем мире»; «содержание» – это человеческий голос, а «форма» – все время наличный органический фон для этого голоса, «музыка сфер»» [8, с. 410].

«Андалузский танец» – одна из миниатюр с достаточно широким образно-интерпретационным полем для исполнителя. Известные пианисты по-разному интерпретируют танец, обостряя и выделяя различные выразительные средства музыкального языка. Так, Д. Благой, смягчая ритмический напор рефрена, усиливает тем самым интонационные и образные стороны контраста тем (из записей 1975–1977 гг.); М. Гринберг (исполнительская версия 1959 г.) подчеркивает легкость и стремительность танцевального движения, грациозность темы мазурки; один из самых известных современных исполнителей музыки Глинки, М. Коллонтай, напротив, усиливает в своей версии тяжеловесность шага рефрена и ритмическую остроту эпизода (запись 2000 г.).

Резюме

Миниатюра «Андалузский танец» 1855 года завершает список фортепианных сочинений Глинки. Образность миниатюры, подобно иным, исключительно танцевальным пьесам последних лет (1852–1855 гг.), обращена в прошлое композитора. Принцип автобиографичности, присущий сочинениям последнего десятилетия, реализуется в пьесе посредством актуализации смысло-образов испанского путешествия; грациозная тема мазурочного характера, певучая и подвижная, окрашивается флером светлой грусти; ее мелодика инструментальна, но в интонационной природе ощутимы истоки славянского романсового мелоса, с его опеваниями, секундовыми вздохами и поступенным движением. Смысловой доминантой сочинения оказывается принцип автобиографичности; смыслы и образы прочитываются в синтезе славянской романсовой интонационности, мазурочной ритмики и тематизма испанского танца, актуализирующем память прежних лет.

Список литературы

1. Ливанова Т., Протопопов Вл. Глинка. Творческий путь: В 2 т. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – Т. 2. – 380 с.
2. Берков В. О. Гармония Глинки. – М.: Ленанд, 2014. – 264 с. (Музыка: искусство, наука, мастерство).
3. Загорный Н. Н. Фортепианное наследие М. И. Глинки // Глинка М. И. Полное собрание фортепианных сочинений. – Л., 1952. – Т. IV. – С. VII–XV.
4. Глинка М. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. – М.: Музыка, 1975. – Т. IIа: Письма 1822–1853. Документы. – 415 с.

5. Глинка М. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. – М.: Музыка, 1973. – Т. I: Творческие материалы. Биографические материалы. – 483 с.
6. Тышко С. В., Куколь Г. В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. III. Путешествие на Пиренеи или испанские арабески. – К., 2011. – 544 с.
7. Тимченко-Быхун И. Первый парафраз М. Глинки: презентация жанра // Музичне мистецтво і культура. Music art and culture. Науковий вісник. – Том 1. – № 28. (2019). Одеса: Одеська національна музична академія імені А. В. Нежданової, 2019. – С. 41–58.
8. Аверинцев С. Ритм как теодицея // Собрание сочинений. Связь времен. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С. 408–412. УДК 786.2 + 78.03 + 78.085.21

Сведения об авторе:

Тимченко-Быхун Инна Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, декан факультета искусства вокала и джаза Киевской муниципальной академии музыки им. Р. М. Глиэра;
03187, Украина, г. Киев, пр. Академика Глушкова, д. 30, кв. 23;
E-mail: inna_timchenko@ukr.net; tel: + 38050-351-60-14
ORCIDID: <https://0000-0001-9139-2203>

I. A. TYMCHENKO-BYKHUN,¹

¹ R. Glier Kyiv Municipal Academy of Music

M. GLINKA'S 'ANDALUSIAN DANCE' AND ITS AUTOBIOGRAPHIC MEANINGS

Abstract

Goal: to characterize through the prism of the autobiographical dominant in the context of the evolutionary processes of M. Glinka's piano style his last miniature – 'Andalusian dance' (1855).

Methods: the principle of the methodology of culturological commentary, developed in musicology by S. Tyshko in collaboration with S. Mamaev and G. Kukol, applied as an analytical commentary to a musical text and implemented by combining biographical information and meanings of the work in the context of evolutionary processes and constant features of the composer's style.

Results: the study of the artistic and autobiographical meanings of Glinka's final piano piece, considered in accordance with the principles of studying the musical compositions and the facts of the composer's creative biography in an inextricable connection, confirms the thesis: the miniatures of Glinka's last creative decade are marked by the general composer's attitude of addressing his own past, i.e. autobiographical.

Novelty: the piano miniature 'Andalusian Dance' is for the first time considered in detail in the context of M. Glinka's piano heritage as a whole – a kind of single text that includes literary, musical works and epistolaries; for the first time, through an analytical commentary on the musical text of the play, the autobiographical meanings of the miniature are revealed.

Practical significance: the research materials can be used in courses on the history of world and Slavic music, in courses on the analysis of musical works and musical interpretation.

Keywords: piano miniatures by M. Glinka, composer's style of the recent years, autobiographical meanings, analytical commentary on a musical text, piano heritage as a single text, semantic dominants of the composition.

References:

1. Livanova T., Protopopov V.I. Glinka. Tvorcheskii put: v 2 t. (Glinka. Creative way: in 2 vol.).– M.: Gos. Muz. izd-vo, 1955.– T. 2.– 380 p. (in Russian).
2. Berkov V. O. Garmoniia Glinki (Glinka's harmony).– M.: Lenand, 2014.– 264 p. (Muzyka: iskusstvo, nauka, masterstvo) (in Russian).
3. Zagornyy N. N. Fortepiannoe nasledie M. I. Glinki // Glinka M. I. Polnoe sobranie fortepiannykh sochineniy (The piano heritage of M. I. Glinka // Glinka M. I. Complete collection of piano works).– T. IV.– P. VII–XV, 1952. (in Russian).
4. Glinka M. I. Polnoe sobranie sochineniy. Literaturnye proizvedeniya i perepiska. (Full composition of writings. Literary works and correspondence).– M.: Muzyka, 1975.– T. IIA: Pis'ma 1822–1853. Dokumenty (Letters 1822–1853. Documents).– 415 p. (in Russian).
5. Glinka M. I. Polnoe sobranie sochineniy. Literaturnye proizvedeniya i perepiska (Full composition of writings. Literary works and correspondence).– M.: Muzyka. T. I: Tvorcheskii materialy. Biograficheskie materialy (Creative materials. Biographical materials). 1973.– 483 p. (in Russian).
6. Tyshko S. V., Kukol' G. V. Stranstviya Glinki. Kommentarii k "Zapiskam". CH. III. Puteshestvie na Pirinei ili ispanskii arabeski. (Glinka's wanderings. Commentary on the "Notes". Part III. Travel to Pyrenees or Spanish Arabesques).– K., 2011.– 544 p. (in Russian).
7. Timchenko-Bykhun I. Pervyy parafriz M. Glinki: prezentatsiya zhanra // Muzichne mistectvo i kul'tura. (The first paraphrase of M. Glinka: presentation of the genre // Music art and culture). Naukoviy visnik.– Tom 1.– № 28.– Odesa: Odes'ka natsional'na muzichna akademiya imeni A. V. Nezhdanovoi (Odessa National Music Academy named A. V. Nezhdanovoi), 2019.– P. 41–58. (in Russian).
8. Averincev S. Ritm kak teoditsiya // Sobranie sochineniy. Svyaz' vremen (Rhythm as theodicy. // Collected works. Link of times).– K.: DUH I LITERA, 2005.– P. 408–412. (in Russian).

Информация об авторе

Information about the author

Inna Tymchenko-Bykhun, Candidate of Art History, Associate Professor, Dean of the Faculty of Vocal and Jazz Art of the R. Glier Kyiv Municipal Academy of Music

03187, Ukraine, Kiev, Academician Glushkov Ave., Bld. 30, Apt. 23

E-mail: inna_timchenko@ukr.net; tel: + 38050-351-60-14

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-2203>

Pedagogy

Педагогика

УДК 371.485

DOI: 10.29013/AJH-21-3.4-9-16

Е. С. МИХАЛЕВА,¹А. В. ГРИНЦОВА,¹

¹ Государственное автономное учреждение дополнительного образования «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодёжи им. В. П. Поляничко», отдел «Центр воспитательной работы и занятости детей в каникулярный период», г. Оренбург, Россия

ДЕТСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация

Цель: – формирование личности гражданина и патриота посредством организации социально-проектировочной, исследовательской деятельности.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы и изучение нормативных документов, обобщение, синтез, контент-анализ.

Результаты исследования:

- социальное проектирование рассмотрено как актуальный метод социального воспитания в системе дополнительного образования детей по гражданско-патриотическому направлению;
- гражданско-патриотическое воспитание представлено как часть общего воспитательного процесса, способствующего формированию у молодого поколения готовности к выполнению гражданского долга, конституционных обязанностей, воспитанию чувства гордости за малую родину и наше Отечество;
- проанализированы детские социальные проекты: по увековечиванию памяти погибших земляков; сохранению традиций малой родины; благоустройству пришкольных территорий и улиц родного города (села, поселка); решению проблем экологии родного края; созданию органов детского самоуправления; развитию толерантности в обществе и в отношениях между людьми; пропаганде здорового образа жизни среди современной молодежи.

Научная новизна результатов исследования:

- уточнена педагогическая сущность понятия «социальное проектирование» как продуктивный метод воспитания, который направлен на практическое решение определенных социальных проблем у подрастающего поколения, способствующий формированию гражданской позиции, чувства патриотизма в отличие от существующих исследований близких по смыслу дефиниций: актуальный метод воспитательной работы школы (Ю. В. Громыко, Л. А. Хорькова), в системе дополнительного образования детей (А. Н. Варенцова), культурно-досуговой деятельности (Е. В. Олейник) для формирования гражданского общества (Г. М. Криницкая);
- определена и экспериментально проверена реализация метода социального проекта, обеспечивающего организацию гражданско-патриотического воспитания обучающихся на базе Государственного автономного учреждения дополнительного образования «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодёжи им. В. П. Поляничко» (далее – ГАУДО ООДТДМ им. В. П. Поляничко).

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что выводы и полученные результаты могут быть использованы педагогами дополнительного образования при разработке конкурсов, программ и технологий целенаправленного формирования гражданина и патриота посредством организации социально-проектировочной, исследовательской деятельности.

Ключевые слова: проект, социальное проектирование, организация дополнительного образования, гражданин, гражданско-патриотическое воспитание.

Для цитирования: Михалева Е. С. Грицова А. В. Детское социальное проектирование как способ организации гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №3–4. – С. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-3.4-9-16>

Введение

В современном обществе актуализируется задача воспитания конкурентоспособной интеллигентной, творческой личности, готовой к непрерывному саморазвитию, умеющей адаптироваться к новым социальным отношениям, проявляющей активную гражданскую позицию. При этом большое значение придается учреждениям дополнительного образования, позволяющем внедрять проектный метод в педагогическую практику. Практика социального проектирования является актуальным элементом в современной российской системе образования и воспитания, формирования гражданина – патриота Отечества, обладающего высшими социально-ориентированными качествами.

В системе дополнительного образования активно развивается социальное проектирование, основой которого является полноценное участие обучающихся общеобразовательных учреждений в решении социально-значимых проблем общества [6]. Социальное проектирование – это актуальный метод социального воспитания (Р. Т. Макарова) [4], как в системе воспитательной работы школы (Ю. В. Громыко, Л. А. Хорькова) [1, 7], так и в системе дополнительного образования детей (А. Н. Варенцова)¹, культурно-досуговой деятельности (Е. В. Олейник, С. Н. Испулова, Т. А. Безенкова) [5].

Важнейшей деятельностью подростков для формирования гражданского общества является социальное проектирование (Г. М. Криницкая), направленное на практическое решение определенных социальных проблем (А. В. Шнайдер) [3, 8]. Итак, в ходе сознательного усвоения и воспроизводства данного социального опыта у обучающихся происходит активная социализация личности.

Ее показателем является готовность быть активным, сознательным, полноценным членом общества. Помимо этого, социальное проектирование способствует воспитанию у подрастающего поколения гражданской позиции, формированию чувства патриотизма и общественно-направленной мотивации на решение социальных проблем.

Гражданско-патриотическое воспитание является составной частью общего воспитательного процесса и способствует формированию у молодого поколения готовности к выполнению гражданского долга, конституционных обязанностей, воспитанию чувства гордости за малую родину, тех мест, где мы живем, учимся, растем, воспитание гордости за свой народ, за тех людей, кто защищал наше Отечество. Исследователи в педагогической практике выделяют следующие формы гражданско-патриотического воспитания: беседы, классные часы, военно-патриотические игры (Л. С. Деточенко) [2], уроки мужества, и так далее.

Опираясь на опыт практического исследования данной проблемы, отдел «Центр воспитательной работы и занятости детей в каникулярный период» ГАУДО ООДТДМ им. В. П. Поляничко использует следующую форму практической деятельности, в основе которой лежит метод проектов, – Всероссийскую акцию «Я – гражданин России» (далее – Акция). Данная проектная деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, что способствует позитивному преобразованию реальности.

Основная часть

Участие обучающихся в разработке и реализации социального проекта обладает большим педагогическим потенциалом, который будет способствовать

¹ Варенцова А. Н. Социальное проектирование как процесс социализации в условиях дополнительного образования [Электронный ресурс] // XII Международная студенческая научная конференция: студенческий научный форум. 2020. Режим доступа: URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022715>

формированию гражданской позиции, так как социальное проектирование выступает в качестве источника знаний, социального опыта, эмоционального переживания, формирования отношения к государству, познания истории и традиций русского народа, изучения прав и обязанностей гражданского общества.

Участники Акции учатся выдвигать гражданские инициативы, развивать конструктивный диалог с властными структурами, сотрудничать с различными организациями и окружающим социумом. Участвуя в проектной деятельности, школьники осваивают правила жизни гражданского общества, получают навыки взаимодействия с представителями власти, со средствами массовой информации, со своими сверстниками, родителями, жителями села, города, района. Это участие, несомненно, воспитывает гражданскую зрелость и патриотическое сознание, лидерские качества, прогрессивные взгляды, независимость убеждений, ответственность, самостоятельность. Помимо этого, Акция реализуется в соответствии с целями и задачами федеральных проектов «Успех каждого ребенка»¹ и «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г»².

На региональном этапе Акции в Оренбургской области с 2001 года проводится конкурс детских социальных проектов «Я – гражданин России» (далее – Конкурс). Учредителем Конкурса является министерство образования Оренбургской области, организатором – ГАУДО ООДТДМ имени В. П. Поляничко, отдел «Центр воспитательной работы и занятости детей в каникулярный период». Цель Конкурса – формирование гражданской активности и ответственности молодых граждан Оренбургской области посредством вовлечения их в общественно полезную социальную деятельность. Победители Конкурса ежегодно участвуют в финале Всероссийской акции «Я – гражданин России» и во Всероссийском конкурсе молодежных авторских проектов «Моя страна – моя Россия», который проводится при поддержке Государственной Думы Российской Федерации.

В ходе областного конкурса детских социальных проектов «Я – гражданин России» юные оренбурж-

цы создают и реализуют детские социальные проекты по увековечиванию памяти погибших земляков; сохранению традиций малой родины; благоустройству пришкольных территорий и улиц родного города (села, поселка); решению проблем экологии родного края; оказанию помощи молодым людям в реализации своих интересов; заботе о людях, нуждающихся в особой защите (пожилых, людей с ограниченными возможностями, детей без родителей и т.д.); созданию органов детского самоуправления; развитию толерантности в обществе и в отношениях между людьми; пропаганде здорового образа жизни среди современной молодежи и так далее.

Одна из номинаций Конкурса посвящена сохранению памяти земляков, погибших на полях сражений. Социальные проекты юных оренбуржцев по увековечиванию памяти погибших земляков способствуют познанию исторического прошлого нашей Родины. Изучение подвига русского народа обучающимися предоставляет им возможность создать правдивые портреты героев прошлых поколений. В ходе реализации таких проектов осуществляется диалог ветеранов боевых сражений и ветеранов тыла в годы Великой Отечественной войны с подрастающим поколением. Этот диалог способствует сохранению исторической правды о событиях Великой Отечественной войны, сохранению традиций преемственности поколений и формированию у молодого поколения гражданско-патриотической позиции в отношении к своей стране, к ее прошлому и настоящему. При проведении встреч с людьми старшего поколения, переживших эти тяжелые годы в истории нашей страны, привычные слова «война», «ветеран», «долг», «Родина», «историческая память» получают особое эмоциональное и духовное наполнение у школьников.

В рамках празднования 75-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войне реализовывались детские социальные проекты, в результате которых появились новые и реставрировались старые, забытые памятники воинам, погибшим на полях сражений в годы Великой Отечественной войны, и труженикам тыла; присваивались имена Героев Советского Союза образовательным организациям; были открыты мемориальные

¹ Нацпроект «Образование». 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie>

² Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996 «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 год» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>

памятные доски; пополнились информационные фонды музеев по истории Великой Отечественной войны и т.д.

Была организована просветительская, исследовательская, творческая, поисковая деятельность среди обучающихся с привлечением общественности. Так, например, в Муниципальном автономном общеобразовательном учреждении «Тоцкая Средняя общеобразовательная школа им. А. К. Стерелюхина» проект «Наши земляки – наша гордость» стал началом создания серии галерей под открытым небом, и первая из них, которая носит название «История подвигов», приурочена к 75-летию со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Целью проекта была установка информационных баннеров, посвященных землякам-героям села Тоцкое. Приступив к работе над проектом, ребята разделились на микрогруппы, каждая из которых выполняла свои обязанности. Группа «журналистов» подготовила материал для статьи в районную газету «Авангард» и школьную газету «Парадокс» с целью ознакомления обучающихся школы и жителей села с ходом реализации проекта. Они обратились в районную библиотеку, в районный краеведческий и школьный музеи для доступа к архивным документам, где в итоге была собрана информация о подвигах героев села Тоцкое, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Данная информация была размещена на баннерах. В образовательных организациях был проведен конкурс рисунков на лучший макет баннера. Помимо этого, работала группа «экономисты», которая сделала расчёты по проекту. Смета составила 65000 рублей и включила, в том числе, информационные баннеры и установку стоек для них. За финансовой помощью совместно с представителями школы обратились к главе сельского совета, на что получили одобрение. Таким образом, благодаря проекту детей в типографии села изготовлены баннеры с информацией о героях земляках, участниках Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) в количестве 10 штук и размером 1 м на 70 см. В апреле 2020 г. состоялось торжественное открытие галереи под открытым небом «История подвигов».

Члены поискового отряда «Наследие» Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 1 г. Сорочинска» (проект «Дом милосердия») нашли интересные, достоверные факты о том, что в годы войны в г. Сорочинске располагались три эвакуационных госпиталя. Целью проекта была установка мемориальных

досок на зданиях г. Сорочинска. Группа «юристы» изучила нормативно-правовые документы об объектах культурного наследия и акты о порядке установления памятников и мемориальных объектов. Обучающиеся посетили краеведческий музей Сорочинского городского округа и изучили архивные справки, подтверждающие размещение эвакогоспиталей. Они выяснили, что первое отделение эвакогоспиталя размещалось в больнице по улице Карла Маркса (ныне начальная школа № 7), второе отделение размещалось в доме колхозников (ныне здание нарсуда), третье – хирургическое отделение – находилось в здании Сорочинского ветеринарного техникума, четвертое – детский дом по ул. Орджоникидзе, д. 1 (ныне детский сад № 5) и пятое – Дом пионеров по ул. Чапаева, д. 20.

Ребята встретились с заместителем главы администрации городского округа по оперативному управлению муниципальным хозяйством. Организовали рассмотрение и визирование нормативных правовых документов, позволяющих официально установить мемориальные доски на зданиях, где располагались эвакогоспитали. Также узнали последовательность установки и разработали эскиз мемориальных досок. Ребята написали ходатайство на имя главы муниципального образования Сорочинский городской округ, в результате чего получили одобрение на установку мемориальной доски на здании детского сада № 5. Проектировщики выяснили, что здание, где располагался третий эвакогоспиталь в годы ВОВ, ныне Сорочинский ветеринарный техникум, находится в федеральной собственности. В итоге были составлены и отправлены обращения: в «Территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Оренбургской области»; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный аграрный университет»; инспекцию Государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области по установке мемориальной доски на здании техникума. Был получен положительный ответ на разрешение и установку памятных досок на зданиях детского сада № 5 и Сорочинского ветеринарного техникума.

Группой проектировщиков был сделан экономический расчет установки двух досок. Результат составил 25600 рублей. Рассмотрев все возможные способы привлечения финансов, обучающимися было решено провести школьную ярмарку для жителей

микрорайона; организовать сбор и сдачу макулатуры. В результате проведения данных мероприятий ребята смогли собрать 6300 рублей. За недостающей суммой школьники обратились к спонсорам, им была оказана помощь в размере 19300 рублей. По итогам работы над проектом были изготовлены две мемориальные доски для установки на зданиях детского сада № 5 и Сорочинского ветеринарного техникума о том, что в годы войны в этих зданиях находились эвакуированные. В преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, в мае 2020 г., состоялось торжественное открытие памятных досок.

На протяжении 13 лет кадетская рота Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей Акбулакского района Оренбургской области» (проект «Память поколений») два раза в год проводила акцию «Обелиск» на территории кладбища п. Акбулак, где с 2002 г. централизованно хоронили ветеранов Великой Отечественной войны. На сегодняшний день там было захоронено сто участников Великой Отечественной войны и шесть участников локальных войн и вооружённых конфликтов. Целью проекта стало создание «паспорта захоронения» участников и ветеранов ВОВ и книги «Память поколений поселка Акбулак».

Собирая материал о земляках, школьники обратились в центр социального обеспечения населения, районный архив, историко-краеведческий музей им. И. П. Редько, районный пенсионный фонд и редакцию газеты «Степные зори». Руководители этих организаций оказали ребятам необходимую помощь. Кроме того, ребята посетили могилы родственников, захороненных на «Алее Ветеранов», а члены поисковой группы заинтересовались биографическими данными, подробностями боевой службы, боевыми и трудовыми наградами. В результате был собран богатый материал о земляках, захороненных на «Алее Ветеранов», необходимый для реализации проекта. Команда проектировщиков обратилась к главе Акбулакского района, он поддержал ребят и оказал всестороннюю помощь. Общественный Совет при историко-краеведческом музее им. И. П. Редько специально организовал и провёл тематические встречи для лицейцев, посвящённую труженикам тыла, которые были награждены соответствующими государственными наградами, дающими право на приравнение их владельцев к ветеранам Великой Отечественной войны. После публикации в районной газете о рабо-

те над проектом «Память поколений», инициативу ребят поддержали спортсмены клуба «Атлант». Они оказали свою помощь в благоустройстве могил, расположенных на «Алее Ветеранов».

Для защиты проекта весь собранный материал об участниках и ветеранах ВОВ и участниках локальных военных конфликтов ребята систематизировали, составили «паспорт захоронений» и приложения к нему. Оформили презентацию, альбом и макет книги «Память поколений». С просьбой о финансовой помощи для создания книги обратились к попечительскому совету Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей № 1».

В результате работы над проектом «Память поколений» был систематизирован собранный материал в Книге Памяти по следующим разделам: информация о боевом пути и жизни участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий международных конфликтов и локальных войн; беседы с людьми, близкими их окружению; информация по фотографиям; архивные документы. Также были подготовлены материалы для паспорта «воинского захоронения» и разработан макет книги «Память поколений».

Результатом проекта «Память поколений» стал «паспорт захоронения» защитников Отечества, книга «Память поколений поселка Акбулак». Руководству поселкового совета были переданы все материалы, собранные по «Алее Ветеранов». К актуальности проекта было привлечено внимание руководства района и поселкового совета, а также общественности.

Участие в детских социальных проектах по увековечиванию памяти земляков помогает юным оренбуржцам услышать и понять старшее поколение, чтить память павших в боях за Родину и внимательнее относиться к ветеранам Великой Отечественной войны и людям, живущим рядом. Участники проектов многое узнали о военной истории своей страны, сумели привлечь общественное внимание к людям, пережившим страшные годы Великой Отечественной войны, матерям и вдовам солдат, погибших на полях сражений.

В ходе реализации детских социальных проектов школьники не раз убеждались в том, что настоящий патриот – это человек, который не только умеет владеть оружием и имеет воинскую специальность, а, прежде всего, человек, осознающий себя настоящим гражданином своей страны, знающий свои исторические корни и при этом уважающий чужую историю. Все дальше в глубь истории уходят героические и трагические

события Великой Отечественной войны. К сожалению, с каждым днем с нами рядом остается все меньше тех, кто защищал нашу страну, нашу землю, нашу Родину. И самое главное, что мы можем сделать, это помнить о защитниках Отечества и передавать нашим потомкам память о них и их великом подвиге.

Заключение

Двадцатилетний опыт работы с детскими социальными проектами дает возможность сделать определенные выводы:

- обучающиеся, активно принимающие участие в разработке и реализации социального проекта, формируют свои социальные компетенции, развивают специфические умения и навыки: проектирования, прогнозирования, исследования, проблематизации, презентации;

- проектная деятельность предоставляет обучающимся возможность для самовыражения (проявление способностей, лучших качеств, самопрезентации); самоутверждения (возможность поверить в свои силы, ситуация успеха); самоопределения (проигрывание различных ролей, определение собственных приоритетов); самореализации своей личности;

- проявление настойчивости, упорства в достижении цели, осознанное участие в общественно полезной деятельности, стремление к гражданскому самовыражению;

- формирование у обучающихся заботы об окружающей среде, о благоустройстве своей малой родины, что характеризуется проявлением активности и готовности участия в общественно полезной деятельности;

- обучение социальному проектированию способствует мотивации подростков к действию, оценке реальной социально-экономической и политической обстановке, проявлению неравнодушия к существующим проблемам окружающего социума и желанию изменить ситуацию в лучшую сторону.

Таким образом, тема статьи позволила убедиться в том, что обучающиеся, работая над социальным проектом, приобретают навыки успешной коммуникации, стабильность душевного здоровья, чувство патриотизма, наблюдается повышение самооценки, обостряется чувство индивидуальности, ярко проявляется чувство межличностного и социального сопереживания.

Список литературы:

1. Громыко Ю. В. К проблеме создания общенародной школы будущего: синтез предметного и проектного образования // Психологическая наука и образование. 2018.– Т. 23.– № 1.– С. 93–105.
2. Деточенко Л. С. Эффективность форм гражданского и патриотического воспитания молодежи: по материалам социологического исследования // Поволжский педагогический вестник. 2015.– № 4 (9).– С. 31–42.
3. Криницкая Г. М. Социальное проектирование как средство формирования гражданской позиции школьников // Ярославский педагогический вестник. 2018.– № 1.– С. 40–45.
4. Макарова Р. Т. Технология социального проектирования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011.– № 1.– С. 5–15.
5. Олейник Е. В., Испулова С. Н., Безенкова Т. А. Социальное проектирование в культурно-досуговой деятельности подростков в учреждении дополнительного образования // Перспективы науки и образования. 2019.– № 4 (40).– С. 215–224.
6. Социальное проектирование в образовании и практике социальной работы: учебное пособие [Электронный ресурс]. 2018. Режим доступа: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/58612/1/978-5-7996-2313-5_2018.pdf
7. Хорькова Л. А. Внедрение метода социального проекта в воспитательную работу школы [Электронный ресурс] // Вестник педагога. 2016. Режим доступа: URL: <http://vestnikpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=9922>
8. Шнайдер А. В. Детское социальное проектирование в современной школе как способ воспитания гражданина // Внешкольник Оренбуржья. 2020.– № 2.– С. 17–19.

Информация об авторах:

Михалева Екатерина Сергеевна, кандидат педагогических наук, методист, Государственное автономное учреждение дополнительного образования «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодёжи

им. В. П. Поляничко», отдел «Центр воспитательной работы и занятости детей в каникулярный период», кабинет № 208;

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Советская, д. 41;

E-mail: sckoriantowa@yandex.ru; телефон: (3532) 43-50-79

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4656-3661>

Гринцова Анастасия Валерьевна, педагог-организатор, Государственное автономное учреждение дополнительного образования «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодёжи им. В. П. Поляничко», отдел «Центр воспитательной работы и занятости детей в каникулярный период», кабинет № 208:

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Советская, д. 41;

E-mail: shnaider.nastya@mail.ru; телефон: (3532) 43-50-79

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7704-3605>

E. S. MIKHALEVA,¹

A.V. GRINTSOVA,¹

¹ GAUDO "Orenburg Regional Palace of Creativity of Children and Youth named after V.P. Polyanichko", department "Center for educational work and employment of children during the holiday period", Orenburg, Russia

CHILDREN'S SOCIAL DESIGN AS A WAY OF ORGANIZING CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION

Abstract

The goal is to form the personality of a citizen and a patriot through the organization of social design and research activities.

Research methods theoretical analysis of scientific literature and the study of normative documents, generalization, synthesis, content analysis.

Results of the study:

- social design is considered as an actual method of social education in the system of additional education of children in the civil-patriotic direction;
- civil-patriotic education is presented as part of the general educational process that contributes to the formation of the young generation's readiness to fulfill their civic duty, constitutional duties, and to foster a sense of pride in their small homeland and our Fatherland;
- children's social projects are analyzed: to perpetuate the memory of fallen countrymen; to preserve the traditions of the small motherland; to improve school territories and streets of their native city (village, village); to solve the problems of ecology of their native land; to create children's self-government bodies; to develop tolerance in society and in relations between people; to promote a healthy lifestyle among modern youth.

Scientific novelty of the research results:

The article clarifies the pedagogical essence of the concept of "social design" as a productive method of education, which is aimed at the practical solution of certain social problems in the younger generation, contributing to the formation of a civic position, a sense of patriotism, in contrast to existing studies of similar definitions: the actual method of educational work of the school (Yu. V. Gromyko, L. A. Khor'kova), in the system of additional education of children (A. N. Varentsova), cultural and leisure activities (E. V. Oleynik) for the formation of civil society (G. M. Krinitskaya);

Defined the implementation of the method of the social project providing the organization of civil and patriotic education of students on the basis of the GAUDO OODTDM named after V. P. Polyanichko was determined and experimentally tested.

The practical significance of the research results lies in the fact that the conclusions and the results obtained can be used by teachers of additional education in the development of competitions, programs and technologies for the purposeful formation of a citizen and a patriot through the organization of social design and research activities.

Keywords: project, social design, organization of additional education, citizen, civil and patriotic education.

References:

1. Gromyko Y. U. V. K probleme sozdaniya obshchenarodnoj shkoly budushchego: sintez predmetnogo i proektnogo obrazovaniya (On the problem of creating a Public school of the future: synthesis of subject and project education), *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2018. 23.1.– P. 93–105.
2. Detochenko L. S. Effektivnost' form grazhdanskogo i patrioticheskogo vospitaniya molodezhi: po materialam sociologicheskogo issledovaniya (The effectiveness of forms of civic and patriotic education of young people: based on the materials of a sociological study), *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, 2015.– 4 (9).– P. 31–42.
3. Krinickaya G. M. Social'noe proektirovanie kak sredstvo formirovaniya grazhdanskoj pozicii shkol'nikov, *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2018.– 1.– P. 40–45.
4. Makarova R. T. Tekhnologiya social'nogo proektirovaniya (Social design technology), *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii*. 2011.– 1.– P. 5–15.
5. Olejnik E. V., Ispulova S. N., Bezenkova T. A. Social'noe proektirovanie v kul'turno-dosugovoj deyatel'nosti podrostkov v uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovaniya (Social design in the cultural and leisure activities of adolescents in the institution of additional education), *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2019.– 4 (40).– P. 215–224.
6. Social'noe proektirovanie v obrazovanii i praktike social'noj raboty: uchebnoe posobie (Social design in education and practice of social studies) [Elektronnyj resurs]. 2018. Rezhim dostupa: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/58612/1/978-5-7996-2313-5_2018.pdf
7. Hor'kova L. A. Vnedrenie metoda social'nogo proekta v vospitatel'nyy rabotu shkoly (Introduction of the social project method in the educational work of the school) [Elektronnyj resurs]. *Vestnik pedagoga*. 2016. Rezhim dostupa: URL: <http://vestnikpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=9922>
8. SHnajder A. V. Detskoe social'noe proektirovanie v sovremennoj shkole kak sposob vospitaniya grazhdanina (Children's social design in a modern school as a way of educating a citizen), *Vneshkol'nik Orenburzh'ya*, 2020.– 2.– P. 17–19.

Information about the author

Ekaterina S. Mihaleva, kandidat pedagogicheskikh nauk, metodist, State autonomous institution of additional education "Orenburgskij oblastnoj Dvorec tvorchestva detej i molodyozhi im. V. P. Polyanichko", otdel "Centr vospitatel'noj raboty i zanyatosti detej v kanikulyarnyj period", kabinet № 208;

Adres: 460000, g. Orenburg, ul. Sovetskaya, d. 41;

E-mail: sckoriantowa@yandex.ru; telefon: (3532) 43-50-79

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4656-3661>

Anastasiya V. Grincova, pedagog-organizator, State autonomous institution of additional education "Orenburgskij oblastnoj Dvorec tvorchestva detej i molodyozhi im. V. P. Polyanichko", otdel "Centr vospitatel'noj raboty i zanyatosti detej v kanikulyarnyj period", kabinet № 208;

Adres: 460000, g. Orenburg, ul. Sovetskaya, d. 41;

E-mail: shnaider.nastya@mail.ru; telefon: (3532) 43-50-79

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7704-3605>

Е. С. МИХАЛЕВА,¹Г. С. САЙФУТДИНОВА,²¹ ГАУДО «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодежи им. В. П. Поляничко»² Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир хана

ВКЛЮЧЕНИЕ КРЕАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА

Аннотация

Цель исследования: внедрение креативных технологий в образовательный процесс будущих инженеров.

Методы исследования: теоретические и эмпирические методы педагогического исследования. Теоретические методы проводимого педагогического исследования: – метод сравнительного анализа. Эмпирические методы исследования: – метод педагогического наблюдения; – изучение и обобщение педагогического опыта.

Результаты исследования: согласно теоретическому анализу научных трудов в контексте темы исследования и результатам собственного труда, уточнено содержание понятие «креативные технологии», определен его ресурс экономической, общественной жизни, его педагогической деятельности; выявлены механизмы влияния креативности на успешность профессионального развития становления будущего инженера.

Научная новизна: определены структурные компоненты креативных технологий: концептуальный, содержательный, процессуальный, программно-методический. Представлены принципы креативной технологии: психологической комфортности, исследовательской активности, коллективной инженерно-творческой деятельности, принцип творческой самореализации и адаптации, принцип креативности.

Практическая значимость: Используемые креативные технологии: технологии исследовательской активности (метод фантастических гипотез, метод Скампер, «мозговая атака», инсерт, приключенческая quest-игра, прием составления кластера), технология решения изобретательских заданий (ТРИЗ Г. С. Альтшуллера, метод проектов); игровые интерактивные технологии (тренинг «Стратегия Диснея», quest-игра); технология креативности.

Внедрение результатов исследования как результат международного открытого вебинара по креативным технологиям в дистанционном формате на онлайн площадке Zoom.

Ключевые слова: креативность; креативные технологии; инженер; инженерное образование; инженерное творчество; метод фантастических гипотез; метод Скампер; инсерт.

Для цитирования: Михалева Е. С., Сайфутдинова Г. С. Включение креативных технологий в образовательную деятельность будущего инженера // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №3–4. – С. 17–22. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-3.4-17-22>

Введение

Современные условия создания единого экономического пространства неизбежно ставят перед необходимостью включения в креативных технологий в образовательную деятельность будущего инженера.

Исходя из современного уровня развития педагогической науки и практики, креативная технология – это средство развития креативности обучаю-

щихся, применяемое педагогами в образовательном процессе.

Опираясь на опыт собственных практических исследований мы даем следующее определение: креативные технологии – это осознанный, целенаправленный эффективный процесс мыследеятельности будущего инженера, с гарантированным прогнозом креативного продукта.

Выявления перспективных средств и методов обучения является актуальным вопросом в современных условиях образования. При этом наибольшее затруднение в переосмыслении и применении на практике вызывают креативные технологии в инженерном образовании.

Цель исследования внедрение креативных технологий в образовательный процесс будущих инженеров. Креативные технологии в нашем исследовании рассматриваются как конкретный процесс мыслительности, целью которого является повышение результативности образовательного процесса в контексте оперативных стратегических целей инженерного образования с гарантированным прогнозом креативного продукта. Целью нашего исследования является применение креативных технологий в процессе обучения, направленное на формирование креативности будущих инженеров.

В нашем исследовании определены базовые составляющие креативных технологий, применяемые в образовательной деятельности будущего инженера. Вслед за В. Г. Рындак, выделим структурные компоненты креативных технологий: концептуальный, содержательный, процессуальный, программно-методический. Дадим им краткую характеристику [1].

Концептуальный компонент креативной технологии предполагает включение в процесс подготовки будущего инженера творческой деятельности, провоцирующей их на создание новой, уникальной руководящей идеи, принципов креативной технологии и гипотезы [2].

Креативные технологии включают совокупность следующих принципов:

- *принцип коллективной инженерно-творческой деятельности*, способствует проявлению активной познавательной деятельности, которая заключается в желании обучающегося принимать участие в обсуждениях на занятиях, использовать полученные знания среди ровесников для решения актуальных для них проблем, тем самым обучающийся получает личный опыт, усваивая общественный; подразумевает развитие потенциала обучающихся в компромиссном сочетании с достигнутым уровнем результата в коллективе, где подразумевается, что личный потенциал ребенка отражается на полноте выполненной работы команды и отражает значение коллективных действий [1];

- *принцип психологической комфортности* содействует в создании доброжелательной атмосферы

посредством диалоговых форм общения, преимущественно с поощрением инициатив будущих инженеров;

- *принцип исследовательской активности* опирается на результат собственных усилий, мотивацию научного поиска обучающегося, исходя из собственных знаний, убеждений, умений собственных суждений; Этот принцип предполагает сообщение учащимся целей обучения, творческое выполнение ими самостоятельных исследовательских работ, активное усвоение учебного материала, активизацию мыслительной деятельности.

- *принцип творческой самореализации и адаптации* направлен на ориентации и разрешение нестандартных ситуаций;

- *принцип креативности* предполагает максимальную ориентацию на творческое начало в подготовке будущего инженера к выявлению и развитию творческих способностей студента, приобретение ими собственного опыта творческой деятельности.

Содержательный компонент нацелен на личностную структуру потенциала будущего инженера в развитии его интеллектуального, творческого, духовно-нравственного и ценностного компонента в действенно-практической и эстетико-нравственной сфере личности. По мере изменения состояния личности, проживаемого в содержательном компоненте, происходят изменения поведенческой модели, которые способны генерировать множество оригинальных идей.

Свободные ассоциации и генерации идей, характер содержания образования (сомнения и предположения, источник нового поиска), формы изложения – включает содержательный компонент креативной технологии [3].

Применение креативных методов и средств в обучении характеризуется *процессуальным* компонентом, который способствует рефлексивной деятельности путем поиска противоречий. Данный компонент обеспечивает активизацию научно-поисковой деятельности будущего инженера и характеризуется дополнительными информационными ресурсами, организационными и базовыми формами креативного процесса.

Согласно проведенным теоретическим и эмпирическим исследованиям, на данный момент актуальны креативные технологии, обеспечивающие эффективную подготовку будущего инженера в образовательной деятельности:

- технология креативного обучения (метод синектики, мозговая атака);

- технология научно-исследовательской активности (инсерт, метод фантастических гипотез, Скампер, метод составления кластера);
- технология решения изобретательских задач (ТРИЗ) Г. С. Альтшуллера;
- игровые интерактивные технологии (тренинг «Стратегия Диснея», quest-игра) [4].

Технология креативного обучения нацелена на формирование самостоятельного творческого процесса мыслительности и развитие навыков решения задачи в ситуации новизны. В качестве продуктивного способа ассоциаций и аналогий является общеизвестный метод «мозговых атак», который позволяет обучающимся развить мышление на уровне подсознательной активности [5].

Технология Альтрушера¹ позволяет найти идеальное решение инженерных исследовательских задач, путем устранения технических противоречий.

Особое место в нашем исследовании отводится технологии научно-исследовательской активности. Действенным способом генерации множества оригинальных идей является метод фантастических гипотез. Фантастические гипотезы – это предположение, предвидение ситуации, которое дает возможность обучающимся проявить фантазию в процессе инженерного образовательного процесса и впоследствии активно применять на практике [6].

Прием, позволяющий обучающемуся отследить свое понимание прочитанного задания, относится к «интерактивной системе записи для эффективного чтения и размышления» («инсерт»). Педагоги, применяя прием инсерт, организуют работу в три стадии: вызов, осмысление, рефлексия. Данный прием способствует формированию умений ранжировать информацию по степени новизны; развитию умений анализировать и классифицировать информацию; отстаиванию своей точки зрения. Стимулирование новых идей просматривается в методике Скампер (Scamper). Аббревиатура «SCAMPER» указывает на значение каждой буквы слова, характеризующее самостоятельный способ работы над решением изучаемой пробле-

мы: замещение компонентов, объединение с другими объектами или действиями; адаптация или изменение функции, увеличение или уменьшение, использование для других целей, удаление элементов или их упрощение, перестановка действия. Методика Scamper² оказала положительное влияние на формирование креативности будущего инженера, позволила не только увидеть проблему с одной стороны, но рассмотреть ее с разных аспектов, объединив при этом не сопоставимые, на первый взгляд, способы и действия [6; 7; 8].

Приключенческая quest-игра – это не только увлекательная игра, это постановка проблемы, реализующая задания воспитательного или образовательного характера. Она предполагает применение элементов сюжетной и ролевой игры, которая связана с поиском информации для решения, поставленной перед будущим инженером задачи. Для квест-игры могут затрагиваться информационные ресурсы, в том числе и в сети Интернет. Квест-игра может включать одновременно несколько форм: интеллектуальное соревнование, мини-проект, деловая игра, массовая акция и другие [9].

Графическим способом организации предлагаемого материала на занятиях, позволяющим сделать наглядными мыслительные процессы, является прием составления кластера, который способствует полному погружению будущего инженера в заданную тему. В работе с кластером необходимо записывать все, что ассоциируется с поставленной задачей и не прекращать, пока не закончится весь поток идей. Важно предоставить обучающимся возможность проявить инициативу и дать волю воображению и даже интуиции.

Данный способ мы применяли в процессе создания и реализации коммерческих молодежных научных проектов.

Заключительным компонентом креативной технологии является программно-методическое обеспечение образовательного процесса будущего инженера, а именно: методические и учебные пособия, учебные планы и программы, дидактические материалы и инструментарий, наглядные и технические средства обучения. Разработан комплекс учебно-методических

¹ Еремина Л. И., Нагорнов Ю. С., Нагорнова А. Ю. Технологии креативного развития студентов технических вузов // Фундаментальные исследования. 2013. – № 1–1. – С. 78–81. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30879> (дата обращения: 04.05.2021).

² Kamis A. The effectiveness of SCAMPER techniques on creative thinking skills among fashion design vocational college [Электронный ресурс] / Kamis A., Widiastuti Kob C. G.C., Hustvedt G., Saad N. M., Jamaluddin R., Bujeng // Eurasia J. Biosci. 2020. – № 14. – P. 4109–4117. Режим доступа: URL: <http://www.ejobios.org/download/the-effectiveness-of-scamper-techniques-on-creative-thinking-skills-among-fashion-design-vocational-8055.pdf>. – Загл. с экрана.

материалов по внедрению креативных техник в образовательный процесс будущих инженеров [3].

Следовательно, креативные технологии являются многофункциональным результативным процессом мыследеятельности, оказывающим положительное значение на формирование креативности будущего инженера. При этом обучающиеся, выбирая оригинальные решения в проблемных вопросах или ситуациях, смогут успешно самоопределиваться в профессиональной среде [4].

В нашем исследовании выделялись условия, которые необходимы для реализации креативных технологий в образовательном процессе будущих инженеров с наибольшей продуктивностью:

- формирование «интеллектуальной культуры» будущего инженера, овладение современной методологией творчества, методами постановки и решением актуальных проблем;
- ориентация на восприятие будущего инженера как самообучающегося в процессе творческой деятельности [5];
- реализация креативно-рефлексивной образовательной среды.

Результаты исследования Для практического внедрения в образовательный процесс креативных технологий в системе деятельности инженерного профессионального образования, на базе двух образовательных учреждений: ГАУДО «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодёжи им. В.П. Поляничко» г. Оренбурга (Россия) и Международного образовательного холдинга “Gaudeamus” г. Уральск (Казахстан) был проведен открытый обучающий семинар на платформе ZOOM. Цель семинара – формирование

теоретических и практических навыков, необходимых для освоения креативных технологий с последующим применением в профессиональной деятельности. Каждый слушатель смог не только получить методическую поддержку, но и применить полученные теоретические знания на практике. Так, например, абитуриенты смогли выполнить несколько заданий. Одно из заданий: заполнить кластер по заданной теме, составить свой мини-проект, используя креативные технологии.

Выводы и перспективы Необходимость актуализации творческого потенциала будущих инженеров и целенаправленного педагогического воздействия на развитие креативных способностей их личности продиктованы быстро меняющейся социокультурной ситуацией, когда наиболее ценными становятся творческая продуктивность, нестандартность решений, оригинальность и социальная значимость результата деятельности профессионала в любой сфере жизни. Достижение результатов происходит за счет своевременного внедрения креативных технологий при теоретическом и практическом обучении.

Таким образом, внедрение креативных технологий в образовательный процесс будущего студента технического вуза; организация совместной творчество преподавателей и студентов; безопасное пространство творческой деятельности в современном техническом образовании отвечает вызовам социума. Это позволяет повысить результативность образовательного процесса.

Активное использование преподавателями креативных технологий в процессе обучения студентов в вузе позволит значительно повысить уровень подготовки будущих инженеров, способных творчески подходить к решению проблем в ситуациях неопределенности [4].

Список литературы:

1. Бугакова Е. В. Организация креативного взаимодействия в профессиональном самоопределении обучающихся / Е. В. Бугакова, Д. В. Мирошникова // KANT. 2019. – № 2 (31). – С. 28–32.
2. Каверина Е. А. «Креативные» идеи в коммуникационных технологиях / Е. А. Каверина // Вестник РГГУ. 2010. – № 15 (58). – С. 79–86.
3. Медведь А. А. Институт креативного образования как способ инвестирования в человеческий капитал РФ / А. А. Медведь, А. П. Медведь // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. – № 4. – С. 136–144.
4. Еремина Л. И., Нагорнов Ю. С., Нагорнова А. Ю. Технологии креативного развития студентов технических вузов // Фундаментальные исследования. 2013. – № 1–1. – С. 78–81. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30879> (дата обращения: 04.05.2021).
5. Михалева Е. С. Подготовка педагогов к использованию креативных технологий в системе дообразования детей // Дополнительное образование и воспитание. – Москва, 2020. – № 1. – С. 3–6.

6. Мирошникова Д. В. К вопросу о креативности и инновационности будущего учителя / Д. В. Мирошникова // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы науч.-практ. конференции с междун. участием. – Ульяновск, 2017. – С. 318–322.
7. Сенько Ю. В. Авторская позиция преподавателя в методике / Ю. В. Сенько // Известия Алтай. гос. ун-та. 2014. – № 2 (82). – Т 1. – С. 58.
8. Цырельчук Н. А. Культура делового партнерства в профессиональном образовании / Н. А. Цырельчук, С. Н. Анкуда, Е. Г. Ручаевская. – Минск: МГВРК, 2011. – 548 с.
9. Чмир Р. А. Использование квест-технологий в образовательной деятельности высших и средних образовательных учреждений / Р. А. Чмир, Ю. А. Федулова, В. П. Николашин // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК-продукты здорового питания. 2016. – № 1. – С. 75–79.
10. Kamis A. The effectiveness of SCAMPER techniques on creative thinking skills among fashion design vocational college [Электронный ресурс] / Kamis A., Widiastuti Kob C. G. C., Hustvedt G., Saad N. M., Jamaluddin R., Bujeng // Eurasia J. Biosci. 2020. – № 14. – P. 4109–4117. Режим доступа: URL: <http://www.ejobios.org/download/the-effectiveness-of-scamper-techniques-on-creative-thinking-skills-among-fashion-design-vocational-8055.pdf>. – Загл. с экрана.

Информация об авторах:

Михалева Екатерина Сергеевна, кандидат педагогических наук, ГАУДО «Оренбургский областной Дворец творчества детей и молодежи им. В.П. Поляничко»
E-mail: sckoriantowa@yandex.ru

Сайфутдинова Г. С., Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана
ORCID: 0000-0002-7298-0912

E. S. MIKHALEVA, ¹

G.S. SAYFUTDINOVA, ²

¹ GAUDO "Orenburgskij oblastnoj Dvorec tvorchestva detej i molodyozhi im. V.P. Polyanichko",
otdel "Centr vospitatel'noj raboty izanyatosti detej v kanikulyarnyj period"

² West Kazakhstan Agrarian and Technical University named after Zhanger Khan

THE INCLUSION OF CREATIVE TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE FUTURE ENGINEER

Abstract

The purpose of the study: the introduction of creative technologies in the educational process of future engineers.

Research methods: theoretical and empirical methods of pedagogical research. Theoretical methods of the conducted pedagogical research: – the method of comparative analysis. Empirical research methods: – method of pedagogical observation – study and generalization of pedagogical experience.

Research results: according to the theoretical analysis of scientific works in the context of the research topic and the results of their own work, the content of the concept of "creative technologies" is clarified, its resource of economic, social life, its pedagogical activity is determined; the mechanisms of the influence of creativity on the success of the professional development of the future engineer are identified.

Scientific novelty: the structural components of creative technologies are defined: conceptual, substantive, procedural, program and methodologist. The principles of creative technology are presented.

Keywords: creativity; creative technologies; engineer; engineering education; engineering creativity; method of fantastic hypotheses; Scamper method; insert.

References:

1. Bugakova E. V. Organizatsiya kreativnogo vzaimodejstviya v professional'nom samoopredelenii obuchayushchihya [Organization of creative interaction in the professional self-determination of students] KANT. 2019.– No. 2(31).– P. 28–32.
2. Kaverina E. A. "Kreativnye" idei v kommunikacionnyh tekhnologiyah [Creative ideas in communication technologies] Vestnik RGGU. 2010.– No. 15(58).– P. 79–86.
3. Medved' A. A. Institut kreativnogo obrazovaniya kak sposob investirovaniya v chelovecheskij kapital RF [Institute of Creative Education as a way of investing in the Human capital of the Russian Federation]. Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskij menedzhment". 2015.– No. 4.– P. 136–144.
4. Eremina L. I., Nagornov YU. S., Nagornova A. YU. Tekhnologii kreativnogo razvitiya studentov tekhnicheskikh vuzov [Technologies of creative development of students of technical universities]. 2013.– No. 1–1.– P. 78–81. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30879> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
5. Mihaleva E. S. Podgotovka pedagogov k ispol'zovaniyu kreativnyh tekhnologij v sisteme dopobrazovaniya detej [Preparation of teachers for the use of creative technologies in the system of additional education of children].– Moskva, 2020.– No. 1.– P. 3–6.
6. Miroshnikova D. V. K voprosu o kreativnosti i innovacionnosti budushchego budushchego uchitelya [On the question of creativity and innovation of the future future teacher]. Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovaniya: opyt i innovacii: materialy nauchn.-prakt. konferencii s mezhdun. uchastiem.– Ul'yanovsk, 2017.– P. 318–322.
7. Sen'ko YU. V. Avtorskaya poziciya prepodavatela v metodike [The author's position of the teacher in the methodology] Izvestiya Altaj. gos. un-ta. 2014.– No. 2(82).– Vol. 1.– 58 p.
8. Cyrel'chuk N. A. Kul'tura delovogo partnerstva v professional'nom obrazovanii [Business partnership culture in professional education] Minsk: MGVRK, 2011.– 548 p.
9. CHmir R. A. Ispol'zovanie kvest-tekhnologij v obrazovatel'noj deyatel'nosti vysshih i srednih obrazovatel'nyh uchrezhdenij [The use of quest technologies in the educational activities of higher and secondary educational institutions]. Tekhnologii pishchevoj i pererabatyvayushchej promyshlennosti APK-produkty zdorovogo pitaniya. 2016.– No. 1.– P. 75–79.
10. Kamis A. The effectiveness of SCAMPER techniques on creative thinking skills among fashion design vocational college [Elektronnyj resurs] / Kamis A, Widiastuti, Kob C. G. C., Hustvedt G., Saad N. M., Jamaluddin R., Bujeng // Eurasia J. Biosci. 2020.– No. 14. – P. 4109–4117.– Rezhim dostupa: URL: <http://www.ejobios.org/download/the-effectiveness-of-scamper-techniques-on-creative-thinking-skills-among-fashion-design-vocational-8055.pdf>.– Zagl. s ekrana.

Information about the authors

Ekaterina S. Mikhaleva, Candidate of Pedagogical Sciences, GAUDO "Orenburg Regional Palace of Children and Youth Creativity named after V.P. Polyanichko"

E-mail: sckoriantowa@yandex.ru

G.S. Sayfutdinova, Zhangir Khan West Kazakhstan Agrarian Technical University

ORCID: 0000-0002-7298-0912

Philology and linguistics

Филология и лингвистика

UDC811.111+811.134.2

DOI: 10.29013/AJH-21-3.4-23-30

Ю. В. ГОРШУНОВ ¹Е. Ю. ГОРШУНОВА ²¹ *Бакинский государственный университет (Бирский филиал), Россия*² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации, Москва*

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ОСНОВАННЫЕ НА ОБРАЗЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Аннотация: статья посвящена зооморфным метафорам и сравнениям английского языка, основанным на образе домашних животных, используемых в хозяйственных целях.

Цель: выяснить диапазон метафорических и метонимических значений, которыми обладает слово *horse* и другие наименования близкородственных животных, расширить и систематизировать наши представления о системе значений рассматриваемых зоонимов, а также выявить те признаки домашних животных, которые приписываются человеку на основе возможных метафорических и метонимических переносов.

Методы: методы исследования определяются целью и задачами исследования. Основной метод описательный, реализованный в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ, дефиниционный анализ и метод семантической интерпретации.

Результаты: Анализ зоонимов проводится на материале лексикографических источников с привлечением художественных текстов англоязычных авторов. За основу взята расширительная трактовка зооморфной метафоры, что позволяет охватить случаи переноса на человека названия животного и его образа. Проецируемые на человека зооморфные характеристики отражают внешний облик и образ животного, его характер, нрав, повадки, обусловленные условиями жизни и выполняемыми функциями. Имеет место и перенос имени на артефакты (артефактная метафора). Основное внимание в статье уделено употреблению зоонима *horse* и других зоонимов, обозначающих близкородственных животных, в переносных значениях для создания образной качественно-оценочной характеристики номинируемого объекта. Сфера «Животное», в которую входят зооним *horse* и другие зоонимы семейства лошадиных, относится к глобальным семантическим сферам, вовлекаемым в процесс метафоризации. Результаты исследования выявили, что зооним *horse* обладает сложной метафорической семантикой. Зоонимы семейства лошадиных, являясь полиноминантами и полисемантами, демонстрируют широкий спектр метафорических значений и в разговорной практике могут актуализировать смыслы, еще не представленные в словарях.

Практическая значимость: Предпринятое исследование расширяет и систематизирует наши представления о системе значений зоонима *horse* и его возможных метафорических и метонимических переносах. Результаты исследования могут быть полезны и интересны специалистам в областях метафорики, фразеологии,

лексикологии, стилистики, контрастивной лингвистики, типологии английского и русского языков и других дисциплин.

Ключевые слова: зооним, зооморфизм, зооморфная метафора, артефактная метафора, метафоризация, языковая картина мира

Для цитирования: Горшунов Ю. В. Горшунова Е. Ю. Анималистические метафоры и сравнения английского языка, основанные на образе домашних животных // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №3–4. – С. 23–30. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-3.4-23-30>

Введение

В рамках статьи рассмотрим в плане метафоризации ряд зоонимов, обозначающих домашних животных, используемых в хозяйственных целях. Это, прежде всего, лошадь и близкородственные животные из семейства лошадиных, которое, помимо лошади, включает осла, мула, кулана, зебру и других. Наш выбор мотивирован той особой ролью, которую лошадь играет в жизни человека во многих сферах его деятельности, и возможностью выявить и описать метафоры и сравнения, используемые, в повседневной жизни человека и эксплуатируемые в художественных произведениях, основанные на характерных или стереотипных чертах, приписываемых животным.

Цель статьи – выяснить признаки животных, имеющие оценочные смыслы, которые переносятся на человека, расширить и систематизировать наши представления о системе значений зоонима *horse* и его возможных метафорических и метонимических переносах.

Основная часть

Многие зоонимы – прямые наименования животных – обладают способностью подвергаться метафоризации для характеристики человека, механизма, технического приспособления, природного явления и др. Они употребляются в переносном значении для создания образной качественно-оценочной характеристики номинируемого объекта. Случаи переносного употребления зоонимов квалифицируются в лингвистической литературе как метафоры-зоонимы или зоометафоры. Являясь яркими оценочными метафорами, они периодически попадают в поле зрения исследователей [7; 11; 12; 13]. Обычно речь идет о переносе названия животного на человека. Цель таких метафор – «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат...» [3, С. 59].

Мы говорим о людях, применяя к ним названия из мира животных и растений, так как воспринимаем их таким образом. Возникновение ассоциативной связи между человеком и животным создает концептуальную метафору. Большинство лингвистов трактуют зооморфную метафору достаточно широко и обычно относят к ней случаи переноса имени и образа животного на человека. Как отмечает А. П. Чудинов, образу животного приписываются антропоморфные свойства, т.е. черты характера, поведения, образа жизни человека. С другой стороны, этот образ проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики (повадки, нрав, внешний вид животного) [13, С. 111].

На протяжении всей истории человечества, с тех пор как люди приручили и одомашнили диких животных, всегда рядом с человеком присутствуют домашние животные, выступая помощниками и друзьями, являясь источником пропитания и, в некоторых случаях, источником опасности. Особую роль в жизни людей всегда играла лошадь. Можно сказать, что лошадь является универсальным рабочим животным благодаря таким природным качествам, как выносливость, быстрота движения и высокая производительность. Ее используют, прежде всего, в сельском хозяйстве на полевых работах и во многих отраслях промышленности обычно для перевозки тяжелых и малогабаритных грузов. Чабаны, табунщики, пограничники, полицейские, геологи, лесники, охотники, спортивные наездники, путешественники и другие категории людей используют лошадей для различных нужд и назначений.

В практике речевого общения говорящему важно иметь стереотипное, «наивное» представление о лошади и осознавать, что лошадь – крупное, сильное и выносливое одомашненное животное, приносящее пользу и широко используемое человеком в самых разнообразных ситуациях. Обыватель знает, что лошадь – травоядное животное, которое отлича-

ется завидным аппетитом и поедает траву, сено, овес и ячмень, а при движении может использовать разные аллюры: шаг, рысь, галоп, иноходь. Эти и другие стереотипные знания дают основания для разнообразного метафорического использования зоонима *horse* и его синонимов, которые будут рассмотрены ниже.

Обращение к словарю синонимов выявило, что зооним *horse* имеет более десятка синонимов: *steed* (конь), *charger* (боевой конь), *courser* (рысак, боевой конь), *stallion* (жеребец), *gelding* (мерин), *mare* (кобыла), *filly* (молодая кобыла), *colt* (жеребенок), *pony* (пони), *sheltie/-y* (шотландский пони), *palfrey* (дамская верховая лошадь), *pad* (небольшая лошадь), *nag* (небольшая лошадь, пони), *barb* (лошадь берберской породы), *cob* (лошадь неопределенной породы), *“dobbin”* (спокойная и, вероятно, старая лошадь, рабочая кляча), *“mount”* (лошадь, приученная ходить под седлом) [20, С. 226]. Список синонимов, хотя и содержит названия для некоторых представителей семейства лошадиных (*pony*, *sheltie/-y*) и характеризует их относительно возраста, пола и выполняемых функций, далеко не полный и может быть расширен и дополнен.

Анализ материалов англоязычных словарей позволил нам выявить богатый диапазон метафорических значений зоонима *horse*, как нормативных, общепринятых, так и сленговых. Помимо прямого наименования и прямого значения (обозначение животного), *horse* обозначает *vaulting block in gymnasium* – «конь, спортивный гимнастический снаряд»; *frame (often with legs) on which something is supported, as clothes-horse* – «рама, станок или козлы»; *(Mining) obstruction in vein* – (горн.) «включение пустой породы», а также (colloq.) (unit of) *horsepower* – «единица измерения мощности (двигателя, машины и т.п. – лошадиная сила» [19, С. 519]. Эти значения входят в литературный стандарт. Кроме того, судя по материалам словарей сленга, *horse* имеет сленговые значения *heroin* («героин», по первой букве), а *strong, athletic man* («силач»), *one's husband* («муж»), а *a student of remarkable ability* («выдающийся студент»), а *prostitute* («проститутка»), а *motorcycle* («мотоцикл») [17, С. 614]. Отметим также, что *horse* применяется по отношению к клиенту проститутки, женщине-партнеру в случайной половой связи, пенису, презервативу (от известной марки Trojan – «Троянский конь»). [5, С. 153]. Таким образом, система метафорических (и метонимических) значений зоонима *horse* включает антропоморфные метафоры,

которые характеризуют человека, и предметные или артефактные метафоры, которые характеризуют объекты или предметы. Последние, основанные на переносе «животное на предмет», относятся к нерегулярным типам переноса [12] и потому набор предметных метафор у зоонима *horse* впечатляет своим объемом. Отметим, что разговорная практика знает немало случаев переноса названий тягловых и вьючных животных на транспортные средства. Зооним *horse* в американском сленге в 40–60-е годы XX века употреблялся для обозначения мотоцикла: *horse* [1940 s-60 s] (US) а *motorcycle* [17, С. 614]. *Iron horse* – «железный конь», а также *steam horse* – так первоначально обозначали паровоз (*a steam-driven railway locomotive*), а затем велосипед и другие виды транспорта. На сленге военных *iron horse* – «железная лошадка» или танк, который также называют «железным скакуном» – *iron steed* [2, С. 454]. В русскоязычной речевой практике «стальной конь» это паровоз, трактор и танк. Сходным образом зооним *mule* употребляется для обозначения небольшого транспортного средства, выполняющего функции тягача и толкача (на железной дороге): *any small motor-powered vehicle [the use of mules as beasts of burden]* [17, С. 814]. Это может быть электрокар. В лексике военных *mule helicopter* – легкий вертолет общего назначения [2, С. 554]. Кроме того, в русскоязычной речевой практике закрепились метафоры конь (автомобиль, «тачка»), ишак (на жаргоне летчиков, реактивный самолет И-16). Жаргонное название обыгрывает номенклатурное аббревиатурно-цифровое название и намекает на выполнение тяжелой работы, как это делает ишак.

При восприятии образа лошади и проекции его на человека доминантными характеристиками выступают признаки «трудолюбие» и «выносливость», которые хорошо отражены во фразеологизме *work like a horse* – «работать как лошадь» и словах *workhorse* «рабочая лошадь» (лошадь как живая рабочая сила, непосредственно используемая человеком в какой-либо полезной производительной деятельности), *rack horse* («вьючная лошадь»; используется для перевозки горной артиллерии и обыкновенных грузов). Помимо прямого значения «рабочая лошадь», *workhorse* имеет переносные значения «рабочая лошадка» по отношению к человеку (лицо, выполняющее большую часть общей работы) или какому-либо средству, используемому с большой интенсивностью. Военные называют «рабочей лошадкой» – *workhorse* – легкий

самолет или вертолет (армейской авиации) общего назначения [2, С. 910].

Фразеологизм *work like a horse* «работать как лошадь» передает идею трудолюбия и дает характеристику человеку, который упорно и много работает. Сходные метафорические смыслы можно выразить и при участии других зоонимов: *to work like a dog*, *to work like a beaver*. Они характеризуют человека, который выполняет какую-либо работу с огромным напряжением.

Рассмотрим далее метафоры, ассоциируемые с лошадью, на примерах из художественной литературы.

Люди относятся к лошади, как правило, с любовью, восхищаясь красотой животного, статью, гордым нравом, преданностью. Красивого, статного и, возможно, норовистого коня называют поэтическим словом *steed*. Этим же словом в шутку или иронически могут назвать и неказистого коня. Для юного Джерри Даррела неуклюжая лодка-плоскодонка, которую смастерил для него ко дню рождения старший брат, стала тем средством передвижения, функцию которого на суше выполняет конь: *Gleaning in her coat of new paint she [the boat] lay there, my steed to the enchanted archipelago* [21, С. 160]. Даррелл создал авторскую предметную (артефактную) метафору, основанную на переносе «животное → предмет» и эксплуатирующую перенос наименования на механизмы, виды машин, инструменты. В этой связи отметим, что в английском языке есть традиция существительные *ship*, *boat*, *car*, а также названия стран относить к женскому роду и, следовательно, заменять их местоимением *she* [4, С. 307]. Таким образом, в тех случаях, когда осуществляется перенос зоонима *horse* и его синонимов на транспортное средство, имеет место отождествление обозначаемого объекта с существом женского рода.

Лошадь традиционно ассоциируется с силой и выносливостью. В английской лингвокультуре лошадь занимает достойное место во фразеологическом фонде и обычно фигурирует, когда речь идет о крепком здоровье и/или недюжинной силе: *as strong as a horse*. Можно предположить, что в английской лингвокультуре сравнение с лошадью (возможно, скаковой), скорее всего, характеризует женщину, так как во всех встретившихся нам контекстах употребления выражение *as strong as a horse* и его вариант *as fit as a horse* использованы по отношению к женщинам.

Taylor: Don't touch the trunk, it's too heavy for you.

Norah: *I am strong as a horse*. [Цит. по: 23, С. 733].

Во фразеологизме *as fit as a horse* акцент смещен с физической силы на выносливость, свойственную скаковой лошади, на хорошую физическую форму: *Cancer? For God's sake, that was nonsense. She was as fit as a horse*. [16, С. 182]. Эту женщину характеризуют также как *fit as a fiddle*: *She was as fit as a fiddle and full of life* [16, С. 184], поэтому ее смерть вызывает недоумение.

"I believe she did go into a nursing home. No reason she should. *Strong as a horse*, I'd say." [18, С. 37].

Указание на хорошую физическую форму скаковых лошадей, которых холят, и на особую манеру движения скаковой лошади ощутимо в сравнении, которое Хэрриот применил по отношению к бычку: *'Well, that's a lovely sight'. I said. 'He can gallop like a racehorse now'* [22, С. 511].

Лошадь, некогда незаменимая в домашнем хозяйстве, сегодня потеряла ценность основной тягловой силы, поэтому использование соответствующей метафоры при оценке человека, выполняющего какую-либо работу с огромным напряжением, теряет свою актуальность. Тем не менее, в случае болезни или травмы лошади фермер, по сути, оказывается беспомощным, как бы «связанным по рукам и ногам». Травмы случаются и со скаковыми лошадьми, и пока не залечена травма, наездник не участвует в скачках. Можно понять, волнение и тревожное ожидание мальчика-подростка, имеющего ангельский голос, когда он сравнивает себя с травмированной лошадью: пока не прошла ломка голоса и неизвестно, каким голосом он будет петь, подросток вряд ли получит место в грамматической школе: *'It could be weeks before I know if I'm a tenor, a baritone or a bass, and even then, there's no guarantee I'll be any good. One thing's for certain, BGS aren't going to offer me a choral scholarship while I'm like a horse with a broken leg.'* [15, С. 94].

Еще один аспект метафорического описания связан с аппетитом животного и человека. Если человек ест мало, уместно сравнение с птичкой *eat like a bird* («клевать как птичка»). Если же человек, напротив, отличается отменным аппетитом, ест много и с жадностью, уместны сравнения со свиньей, собакой, волком и лошадью. В сравнениях с названными животными акценты сделаны на жадность, прожорливость, чавканье и плохие манеры (*eat like a pig*), жадность, ненасытность и торопливость в еде (*eat*

like a dog, eat like a wolf), указанием на здоровый, завидный аппетит и большой объем поглощаемой пищи (eat like a horse). Идиома eat like a horse появилась в 18-м веке. В приводимых ниже контекстах сравнение eat like a horse применяется детьми и хозяином собаки по отношению к выздоравливающим питомцам: 'Look at 'im now, Mister!' 'He's eatin' like a 'oss now!' 'He's goin' to get fat soon, Mister!' [he = Toby, a little dog] [22, С. 225].

Норовистая или горячая лошадь, готовая к старту на скачках, путешествию или прогулке, нетерпеливо перебирает ногами, бьет копытами. Моэм усмотрел в поведении взволнованной Миссис Форрестер черты норовистой лошади: *Mrs Albert Forrester pawed the carpet with her foot like a restive, high-spirited horse pawing the ground, and crossing her arms with a gesture that is indescribable (but that you sometimes see in a fishwife who is going to make the very devil of a scene) bent her looks upon her curious and excessively startled friends.* [24, С. 109]. При помощи развернутой метафоры описывается женщина-писательница в состоянии возбуждения, взволнованности, обеспокоенности, которой не терпится начать новую тему в своем творчестве как лошади, готовой тронуться в путь.

Испуганная лошадь встает на дыбы и может легко сбросить всадника наземь. Этот образ послужил для описания гибели торгового судна, подорванного немецкой торпедой: *Suddenly there was an almighty explosion. The Devonian split in two and seconds later both halves reared up like a startled horse, before the broken ship unceremoniously sank to the bottom of the ocean* [15, С. 429].

Метафоры с опорой на внешнее подобие выступают средством характеристики внешности человека и особенностей его телосложения. Череп лошади, как известно, вытянут и отличается относительно длинной лицевой частью. О человеке с длинным лицом говорят «лицо как у лошади», «лошадиное лицо». Джеральд Даррелл иронично сравнивает женщину с таким некрасивым лицом (в нашем восприятии) со старой лошастью (клячей):

"She was tall, thin, with a face like an ancient horse, crow-black eyebrows, and an enormous cushion of scarlet hair on her head" [21, С. 122].

При помощи данной метафоры Моэм описывает некрасивого мужчину: *Sometimes his long, horse-like face grew red with the anger he tried to control and his eyes red with hatred* [24, С. 197].

Выводы

Таким образом, образ лошади, создаваемый разнообразными метафорами, отражает стереотипные представления о животном, имеющими хождение в современном обществе. Многие из сведений о лошади становятся не актуальными для современного сознания: остались в прошлом рыцарские турниры, резко упала значимость лошади по выполнению тяжелых работ и на сельском подворье и потому некогда актуальные метафоры и сравнения, ассоциируемые с лошастью, также теряют свою актуальность и привлекательность.

Анализ метафорических значений зоонима horse и других зоонимов свидетельствует, что, являясь полиноминами и полисемантами, зоонимы демонстрируют большой набор метафорических значений, актуализируя различные признаки. В наших материалах преобладают зоометафоры, характеризующие внешний вид человека и его физические способности (и, в меньшей степени, действия или поступки и умственные способности). Метафорическое описание зоонима лошадь и его синонимов, представленное в статье, коснулось, в частности, таких аспектов, как внешность животного, физические признаки (сила, выносливость, хорошая физическая форма, завидный аппетит), свойственные ему характер, нрав и поведение (трудолюбие, норовистость), выполняемые действия и функции, что позволило на основе стереотипных представлений и авторских наблюдений представить многоаспектную характеристику животного, обнаружить и описать зооморфные метафоры, восходящие к понятийной сфере «мир животных», расширить и систематизировать наши представления о системе значений зоонима horse и его возможных метафорических и метонимических переносах.

Список литературы:

1. Александрова Ю. М., Горшунов Ю. В. Авторские метафоры и сравнения, основанные на образе собаки, в творчестве Джеральда Даррелла // Вестник Башкирского университета. 2016. – Т. 21. – № 3. – С. 698–705.
2. Англо-русский военный словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. Колл. авт. Под общ. ред. Г. А. Судзиловского. – М.: Воениздат, 1968. – 1064 с.
3. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52–64.

4. Гринбаум С., Уиткит Дж. Словарь трудностей английского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 786 с.
5. Кудрявцев А. Ю. Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – М.: ООО «Издательство АСТ»; – Харьков: «Торсинг», 2004. – 383 с.
6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
7. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Куражова. – Иваново, 2007. – 23 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (1990) / Пер. с англ. Баранова А. Н., Морозовой А. В.; Под. ред. Баранова А. Н. – М.: УРСС, 2004. – 254 с.
9. Москвин В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособие к спецкурсу по стилистике / В. П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 92 с.
10. Мусси Вероника. Семантические и лингвокультурологические аспекты изучения энтомологических метафор в русском языке (в сопоставлении с итальянским) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / В. Мусси. – Новосибирск, 2014. – 262 с.
11. Огдонова Ц. Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук / Ц. Ц. Огдонова. – Иркутск, 2000. – 162 с.
12. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Складаревская. – СПб.: Санкт-Петербург. – Наука, 1993. – 151 с.
13. Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 6. – С. 108–116.
14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
15. Archer, Jeffrey. Only Time Will Tell (The Clifton Chronicles. Volume one) by Pan Books, 2011. – 450 p.
16. Canning, Victor. The Rainbird Pattern. Pan Books LTD. London and Sydney. 1974. – 237 p.
17. Cassell's Dictionary of Slang by Jonathon Green. Cassell: WS Bookwell, 1998 (reprinted 2003). – 1316 p.
18. Christie, Agatha. Third Girl. – Fontana/Collins, 1976. – 190 p.
19. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – 6th ed., 1st impression, 1978. Ed. By J. B. Sykes. Oxford University Press. – 1368 p.
20. A dictionary of English synonyms and synonymous expressions. Designed as a guide to apt and varied diction by Richard Soule. A Bantam Book. 13th printing, 1974. – 528 p.
21. Durrell, Gerald. My Family and Other Animals. – GB. Penguin Group, 1956. – 304 p.
22. Herriot James. James Herriot's Dog Stories. Pan Books, 1986. – 541 p.
23. Maugham W. S. Selected Short Stories. Сб. на англ. яз. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000. – 320 с.
24. Maugham W. S. Selected Prose. Сб. на англ. яз. Изд. 3-е. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Изд-во «Менеджер», 2002. – 228 с.

Сведения об авторах:

Горшунов Юрий Владимирович – д. ф. н., профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал) (Россия, г. Бирск), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык;

E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Горшунова Елизавета Юрьевна – к. филол. н., доцент РАНХиГС (Россия, г. Москва), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык;

E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

Yu. V. GORSHUNOV,¹**E. Yu. GORSHUNOVA,²**¹ *Bashkir State University at Birk, Russia*² *Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow*

ANIMALISTIC METAPHORS AND SIMILES OF THE ENGLISH LANGUAGE BASED ON THE IMAGE OF DOMESTIC ANIMALS

Abstract: the article is devoted to zoomorphic metaphors and similes of the English language based on the image of domestic animals used for household purposes.

Objective: The purpose of the article is to find out the range of metaphorical and metonymic meanings possessed by the word horse and other names of closely related animals, to expand and systematize our notions of the system of meanings of the zoonyms under consideration, and also to identify those properties of domestic animals that are attributed to humans on the basis of possible metaphorical and metonymic transferences.

Methods: the research methods are determined by the purpose and objectives of the research. The main method is descriptive, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of linguistic material. Linguistic methods include contextual analysis, definitional analysis, and semantic interpretation.

Results: The analysis of zoonyms is carried out on the basis of lexicographic sources with the involvement of literary texts by English-speaking authors. A broad interpretation of the zoomorphic metaphor is taken, which enables us to cover cases of transferring the name of an animal and its image to a person.

The zoomorphic characteristics projected onto a person reflect the external appearance and image of the animal, its character, disposition, habits, conditions of habitat and the way of life and the functions performed. There is also a transfer of the name to artifacts (artifact metaphor).

The “Animal” sphere, which includes the zoonym horse and other zoonyms of the equine family, refers to the global semantic spheres involved in the process of metaphorization. Special attention is given to the metaphorical uses of the zoonym *horse*, namely to the zoomorphic and artifact metaphors. It came to light that the zoonym *horse* has a diversified range of metaphorical meanings, both standard and non-standard.

Being polynominative and polysemantic language items the analysed zoonyms demonstrate some typical meanings and realize various characteristics from the appearance to functions performed, actualizing meanings not yet represented in dictionaries.

Practical significance: The undertaken research expands and systematizes our understanding of the system of meanings of the zoonym horse and its possible metaphorical and metonymic transfers. The research results can be useful and interesting for specialists in the fields of metaphors, phraseology, lexicology, stylistics, contrastive linguistics, typology of the English and Russian languages and other disciplines.

Keywords: zoonym, zoomorphism, zoomorphic metaphor, artifact metaphor, metaphorization, linguistic picture of the world.

References:

1. Aleksandrova Yu. M., Gorshunov Yu. V. Avtorskiye metafory i sravneniya, osnovannyye na obraze sobaki, v tvorchestve Dzheral'da Darrella // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2016. – T. 21. – No. 3. – P. 698–705.
2. Anglo-russkiy voyennyy slovar'. Izd. 2-ye, pererab. i dop. Koll. avt. Pod obshch. red. G. A. Sudzilovskogo. – M.: Voenizdat, 1968. – 1064 p.
3. Volf E. M. Metafora i ochenka: Metafora v yazyke i tekste. – M.: Nauka, 1988. – P. 52–64.
4. Grinbaum S. Uitktit, Dzh. Slovar' trudnostey angliyskogo yazyka. – M.: Rus. yaz., 1990. – 786 p.
5. Kudryavtsev A. YU. Anglo-russkiy slovar' slenga i nenormativnoy leksiki / A. Yu. Kudryavtsev, G. D. Kuropatkin. – M.: OOO “Izdatel'stvo AST”; – Khar'kov: “Torsing”, 2004. – 383p.

6. Kunin A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar. Lit. red. M.D. Litvinova. – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: Rus. yaz. 1984. – 944 p.
7. Kurazhova I.V. Imena zhivotnykh kak otrazhenie cennostnoj kartiny mira v anglijskoj lingvokulture. [Tekst]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / I.V. Kurazhova. – Ivanovo, 2007. – 23 p.
8. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori kotorymi my zhivem. (1990) / Per. s angl. Baranova A.N., Morozovoj A.V.; Pod red. Baranova A.N. – M.: URSS, 2004. – 254 p.
9. Moskvina V.P. Russkaya metafora. Semanticheskaya, strukturnaya, funktsionalnaya klassifikatsiya: ucheb. posobie k spekursu po stilistike / V.P. Moskvina. – Volgograd: Peremena, 1997. – 92 p.
10. Mussi Veronika. Semanticheskie i lingvokulturologicheskie aspekty izucheniya ehntomologicheskikh metaphor v russkom yazyke (v sopostavlenii s italyanskim). [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk. / V. Mussi. – Novosibirsk, 2014. – 262 p.
11. Ogdonova C.C. Zoomorfnyaya leksika kak fragment russkoj yazykovoj kartiny mira: dis. ... kand. filol. nauk / C.C. Ogdonova. Irkutsk, 2000. – 162 p.
12. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. [Tekst] / G.N. Sklyarevskaya. – SPb.: Sankt-Peterburg. – Nauka, 1993. – 151 p.
13. Chudinov A.P. Strukturnyj i kognitivnyj aspekty issledovaniya metaforicheskogo modelirovaniya // Lingvistika: Byulleten Uralskogo lingvisticheskogo obshchestva. – Ekaterinburg, 2004. – T. 6. – P. 108–116.
14. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991–2000). [Tekst] / A.P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2001. – 238 p.
15. Archer Jeffrey. Only Time Will Tell (The Clifton Chronicles. Volume one) by Pan Books, 2011. – 450 p.
16. Canning Victor. The Rainbird Pattern. Pan Books LTD. London and Sydney. 1974. – 237 p.
17. Cassell's Dictionary of Slang by Jonathon Green. Cassell: WS Bookwell, 1998 (reprinted 2003). – 1316 p.
18. Christie Agatha. Third Girl. – Fontana/Collins, 1976. – 190 p.
19. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – 6th ed., 1st impression, 1978. Ed. By J.B. Sykes. Oxford University Press. – 1368 p.
20. Dictionary of English synonyms and synonymous expressions. Designed as a guide to apt and varied diction by Richard Soule. A Bantam Book. 13th printing, 1974. – 528 p.
21. Durrell Gerald. My Family and Other Animals, – GB. Penguin Group, 1956. – 304 p.
22. Herriot James. James Herriot's Dog Stories. Pan Books, 1986. – 541 p.
23. Maugham W. S. Selected Short Stories. Sb na angl. yaz. – Sostavitel N.A. Samuehlyan. – M.: Izd-vo "Menedzher", 2000. – 320 p.
24. Maugham W. S. Selected Prose. – Sb na angl. yaz. – Sostavitel N.A. Samuehlyan. – M.: Izd-vo "Menedzher", 2002. – 228 p.

Information about the authors:

Yury V. Gorshunov, Doctor of Philology, Professor of Bashkir State University, Birsk Branch;

Address: 41 Lenin str., 452450, Birsk, Bashkortostan, Russia;

E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Elizaveta Yu. Gorshunova, Candidate of Science, Associate Professor of Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow;

Address: 4 Nikitin str., apt. 240, Moskovski, Moscow;

E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

С. О. КИПАРИСОВА,¹¹ *Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище, г. Рязань, Россия*

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация

Цель: определение параметров понятия региональной фразеологической картины мира при использовании метода лингвистического моделирования.

Методы: лингвистического моделирования, обобщения, наблюдения, качественного и количественного анализа данных, лингвоконцептуального анализа, полевой лингвистики.

Результаты: в ходе исследования определены специфические черты явлений языковой картины мира, фразеологической картины мира и региональной картины мира, а также предложены параметры создания лингвистической модели региональной фразеологической картины мира посредством объединения концептуального анализа, полевой модели и выявления культурных лингвокодов.

Научная новизна: на данном этапе разработки проблемы единого подхода к определению параметрии лингвистической модели языковой картины мира не существует. В настоящей работе предлагается авторский вариант решения проблемы создания такой модели, учитывающий достижения современной когнитивной и концептуальной лингвистики. Кроме того, предложенные специфические черты каждой из анализируемых картин мира позволяют синтезировать различные подходы при создании оптимальных и объективных лингвистических моделей.

Практическая значимость: использование метода создания лингвистических моделей открывает широкие возможности в области таких прикладных наук, как лингвистическое краеведение, практическая филология, психолингвистика, лингвоконцептология и даже антропология. Определение параметров создания лингвистических моделей позволяет систематизировать процесс, расставить приоритеты при анализе данных, а также интегрировать современные достижения лингвистики для решения практических задач озвученных выше наук.

Ключевые слова: языковая картина мира; фразеологическая картина мира; региональная картина мира; концепт; макрополе; микрополе; культурный лингвокод.

Для цитирования: Кипарисова С. О. К проблеме моделирования региональной фразеологической картины мира // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №3–4. – С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-3.4-31-40>

Введение

Современная тенденция к интеграции и междисциплинарному синтезу в науке приводит к возникновению новых методов лингвистических исследований. Одним из них является метод лингвистического моделирования, заключающийся в создании языковых моделей на основе подходов и достижений когнитивной лингвистики. На сегодняшний день метод лингвистического моделирования имеет различные толкования и понимания, что обусловлено, с одной стороны, относительно

недавним появлением и отсутствием единых принципов определения его сущности, а с другой, – широкими возможностями и многогранностью применения лингвистических моделей. В настоящей статье предлагается под методом лингвистического моделирования понимать совокупность принципов и механизмов создания лингвистической модели языковой картины мира.

Основная часть

Региональная фразеологическая картина мира отображает особенности национальной самобытной

культуры, творческий и культурный опыт коллектива-носителя языка. Современная национальная культура народа является наследником и преемником исчезающей сегодня народной региональной культуры. Традиции, верования, особенности быта и трудовой деятельности, игры, забавы, праздники – все это находит отражение в языке жителей конкретных регионов. Территориальная специфика сегодня активно нивелируется под влиянием средств массовой информации, активной интернеторизации и повышения популярности городской жизни перед сельской. Местные диалектные явления исчезают, унося с собой самобытность народной жизни, уникальность ее культуры. Фиксация языка диалектов, особенностей устной речи жителей «глубинки», позволяет сохранить культурное наследие народа для дальнейшего изучения.

Исследователи курских говоров Т. И. Гаврилова и О. С. Куркина отмечают, что «русская диалектология – важнейшая лингвистическая дисциплина, исследования в области которой помогают понять устройство русского языка, его лексические корни, устройство русской народной культуры, ее национальные особенности. <...> каждый местный язык представляет собой стройную систему, элементы которой взаимосвязаны, и диалект – это слово, заключающее глубокий смысл и представляющее собой величайшую ценность для лингвистических и этнолингвистических исследований» [1, с. 149].

В контексте исследований языка с озвученных позиций определяющую роль играют такие понятия, как языковая картина мира, фразеологическая картина мира, региональная картина мира.

Под языковой картиной мира мы будем понимать совокупность знаний и представлений об устройстве мира и организации жизнедеятельности людей, представляющую собой интеграцию экстралингвистических аспектов со специфической внутриязыковой реальностью.

А. Д. Васильев определяет два ключевых свойства языковой картины мира: 1) языковая картина мира заметно отличается от научной; 2) языковая картина мира всегда уникальна, так как воплощает представления о мире посредством характеристики специфического конкретного общества [2, с. 31].

Языковая картина мира подразумевает законченность образа мира, завершенность, цельность его описания. Конечно, с течением времени она может изменяться, дополняться, корректироваться. Новые яв-

ления, входящие в жизнь носителей языка, обязательно отображаются в языковой картине. При этом языковая картина мира не тождественна физической, она обусловлена представлениями носителей языка, иногда противоречащими физической реальности. К примеру, в языковой картине явления природы могут объясняться божественной сущностью, молния может оказаться карой небес, а засуха посылается за нечестивую жизнь. Отличия от физической реальности обусловлены национально-культурной спецификой, географическими особенностями, местной флорой и фауной, характером трудовой деятельности и особенностями повседневной жизни, уровнем образования носителей языка. Все эти внешние характеристики составляют внеязыковую реальность, которая интегрируется с языком, формирует его и обозначает векторы развития. Еще одной особенностью языковой картины мира является преемственность накопленных знаний и представлений, которая передается от предков потомкам, от отца к сыну, от поколения к поколению. При этом наиболее весомым является не личностный, а коллективный опыт, опыт большинства, частотность повторяющихся явлений, значимость и масштабность происходящих событий, исторических изменений. Причем не последнюю роль в формировании языковой картины мира имеют стереотипы, подменяющие собой отсутствие последовательного и систематического опыта в какой-либо сфере деятельности или сегменте образа мира. Например, к таким стереотипам могут относиться представления о жизни удаленных территорий, с которыми никогда не было непосредственного контакта. Механизмы стереотипизации помогают заполнить такие пробелы, подменяя реальность сложившимся общественным мнением.

Обобщая выше сказанное, предлагаем выделять следующие свойства языковой картины мира:

- 1) целостность отображения мира;
- 2) не тождественность физической картине мира;
- 3) национально-культурную уникальность;
- 4) интеграцию внеязыковой и внутриязыковой реальности;
- 5) преемственность;
- 6) привязанность к региону проживания коллектива-носителя языка;
- 7) предметно-деятельностный характер;
- 8) отображение коллективного опыта, включающего в себя стереотипизацию «белых пятен».

Наиболее специфическим сегментом языковой картины мира с точки зрения национально-культур-

ной специфики является фразеологическая картина мира. По мнению Е. С. Кубряковой, она является особым образованием, непрерывно участвующим в процессах познания мира и выполняющим функции индикатора для интерпретации воспринимаемого [3].

Фразеологические единицы, помимо номинативной, выполняют ярко выраженную экспрессивно-оценочную функцию – являются лакмусовой бумажкой, отражающей отношение говорящего к сообщаемому. Идиомы наполнены коннотациями, представляющими собой образное, метафорически переосмысленное коллективное наблюдение явлений действительности. С позиций лингвокультурологии фразеологическая картина мира представляет особую ценность, так как аккумулирует в себе концентрированную народную культуру.

К специфическим свойствам фразеологической картины мира относятся:

- 1) образность;
- 2) оценочность;
- 3) коннотационная загруженность;
- 4) экспрессивность.

Следует разъяснить использование определения региональный применительно к языковой картине мира. Дело в том, что в современной русистике различают два термина – региональный и диалектный. Проблема языковой стратификации решается не однозначно. Диалектология в России имеет крепкую традицию – работа над созданием диалектологических карт была начата еще в первой половине XX века. Под диалектом понимается разновидность национального языка, функционирующая в речи носителей языка, проживающих на одной территории. Однако наряду с терминами диалект и диалектизм употребляются термины региональная лингвистика и регионализм. Принцип выделения и определения регионализмов схож с механизмами определения диалектизмов, но является более узким и жестче прикреплен к конкретной местности. Поясним на примерах: рязанские диалекты функционируют на территории современных Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Липецкой областях, что аргументируется общностью диалектных явлений: фонетических, лексических и грамматических особенностях употребления языковых элементов. Регионализмы в названных выше областях могут различаться, так как в современной обстановке культурные связи между указанными регионами ослабли по сравнению с диахроническим срезом. То есть рязанская региональная языковая картина мира привязана к Рязанской области и характеризуется восприятием рязанцев, а рязанская диалектная картина мира является общей и для рязанцев, и для тамбовчан, и для воронежцев, и для липчан. В нашей работе мы будем ориентироваться на региональные фразеологизмы, так как это позволит сузить и конкретизировать языковую модель фразеологической картины мира до конкретного географически ограниченного региона.

Понятие региональной языковой картины мира как предмета исследования встречается в трудах С. М. Беляковой [4], В. Ю. Краевой [5], Н. В. Лабунец [6], А. С. Данилевской [7] и др. Помимо отмеченных выше свойств и особенностей региональная языковая картина мира характеризуется:

- 1) четкой территориальной ограниченностью;
- 2) узусностью;
- 3) замкнутостью;
- 4) прагматичностью и функциональностью;
- 5) консерватизмом.

Изучение региональной фразеологической картины мира методами и инструментами когнитивной лингвистики особенно актуально в XXI веке: «Специфика когнитивного подхода, – как отмечает А. С. Щербак, – заключается в обращении к проблемам ономастики с позиции человеческого сознания, а также наличии связи речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками, что позволяет выяснить, как ономастические единицы отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации в языке» [8, с. 46]. Такой подход представляется справедливым не только для онимов, но и для региональных языковых явлений в целом и для региональных фразеологизмов в частности.

Таким образом, региональная фразеологическая картина мира представляет собой передающееся от поколения к поколению целостное не тождественное физической реальности экспрессивно-оценочное отображение восприятия мира на основе интеграции внеязыкового и внутриязыкового коллективного опыта носителей языка, характеризующееся национально-культурной уникальностью конкретного региона, прагматичностью, коннотационной загруженностью и замкнутостью.

Теперь перейдем к проблеме лингвистического моделирования языковой картины мира, в частности, рязанской региональной фразеологической картины мира.

Поэтапное создание модели предполагает последовательное решение следующих вопросов:

- 1) определение статуса и задач модели;
- 2) сбор и количественную обработку языковых фактов;
- 3) выделение и анализ культурных лингвокодов и центральных (базовых) концептов;
- 4) определение системы коннотаций центральных (базовых) концептов;
- 5) создание целостной модели на основе выявленных приоритетов.

Определение статуса позволяет определить объемность, масштабность модели, то есть количество субъектов-носителей. Это может быть модель:

- на уровне национально-культурной общности, этноса;
- на уровне диалекта или региона;
- на уровне отдельной языковой личности.

Первый тип моделей находит широкое применение в сфере межкультурной коммуникации, когда речь идет о культурных контактах между представителями различных стран, культур и верований. Второй тип является элементом, фрагментом общей языковой картины мира, который является его неотъемлемой частью. Такие типы моделей имеют существенное практическое значение для лингвистики и языкознания, филологии, культурологии, лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики и т.п. Третий тип – лингвистическая модель отдельной языковой личности или портрет языковой личности – используется при исследовании в области диалектологии для фиксации и изучения самобытной народной культуры, а также в процессе филологических и культурологических исследований, когда в поле зрения ученых находятся конкретные исторические персоны.

Сбор языковых фактов предполагает фиксацию нужного языкового явления для последующего анализа. В зависимости от целей исследователя фиксации могут подвергаться как все языковые явления без ограничений, так и явления только одного языкового уровня, например, региональные фонетика, лексика, морфология, синтаксис и т.п. В нашем случае языковые факты для анализа – это региональные фразеологизмы и устойчивые сочетания терминологического характера. Включение в поле для построения модели региональных устойчивых сочетаний терминологического характера обусловлено спецификой выбранной модели. Региональная фразеология имеет ярко

выраженную прагматическую, функциональную направленность, она менее образна по сравнению с литературной фразеологией, поэтому целесообразным представляется расширить границы понимания фразеологии до включения в нее указанных единиц.

Количественный анализ отобранных языковых фактов предполагает подсчет частотности использования тех или иных элементов с целью выявления наиболее широко используемых. Количественный аргумент позволяет судить о месте явления в системе взглядов носителей языка, а статистический метод анализа позволяет исследователю сохранять объективность.

Следующий этап – выделение и анализ культурных лингвокодов и центральных концептов – опирается на достижения в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. На данном этапе доминирующая роль отводится сравнительно новому методу лингвистических исследований – концептуальному анализу. Теоретическую основу методики концептуального анализа описывают в своих трудах С.В. Валиулина [9], А. Вежицкая [10], В.И. Карасик [11], В.А. Маслова [12] и др.

Концепт – это как раз тот элемент языковой картины мира, в котором интегрируются внеязыковая и внутриязыковая реальности. Концепт вбирает в себя языковой знак, его графический и акустический образ, денотативное значение заглавной лексемы, а также всю систему коннотаций, которая имеет ярко выраженную национально-культурную специфику. Концепт состоит из макрополей, подразумевающих под собой семантические поля, языковые структуры, составляемые из микрополей – более узких языковых структур. Микрополе, в свою очередь, состоит из гиперонимов. Такой подход к пониманию концепта называется полевой моделью или полевой структурой. Следовательно, при моделировании региональной фразеологической картины мира реализуется следующая схема:

концепт ← макрополя ← микрополя ← гиперонимы.

Необходимо отметить, что концепт – это элемент не языка, но культуры. Концепт не тождественен ни лексеме, ни семантическому полю. Он вербализируется в языке, но при этом остается национально-культурным феноменом.

Определение коннотаций центральных концептов определяется не с помощью словарной статьи, а посредством лингвокультурного анализа – выявления и определения частотности лингвокодов.

Существует несколько систем классификации лингвокодов. Наибольшей популярностью среди

лингвистов пользуется система культурных кодов, разработанная В. В. Красных: выделяются шесть базовых кодов (соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [13, с. 6]), которые «соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры» и «в которых фиксированы наивные представления о мироздании» [14, с. 278].

В настоящей работе принята за основу другая классификация, которая основывается на тематической принадлежности анализируемого языкового элемента. Такой принцип позволяет расширить и детализировать создаваемую модель и, что самое важное, – учесть региональную специфику.

Коды культуры создают условную систему координат, которая становится базой для построения лингвистической модели. Они, с одной стороны, формируют целостный образ восприятия мира, а с другой, – структурируют его, систематизируют

стратифицированность, позволяя реконструировать модель.

В процессе моделирования рязанской региональной фразеологической картины мира были отобраны и проанализированы языковые факты в количестве 1395 единиц. В результате статистической обработки центральным (базовым) концептом оказался концепт «Человек», что является закономерным и отражает общую антропологическую парадигму существования социума.

Концепт «Человек» образуется посредством четырех макрополей – «Психическое состояние», «Физическое состояние», «Особенности поведения», «Особенности движения». На линиях пересечений находятся поля «Взаимоотношения с другими людьми», «Социальная роль», «Отношение к труду» и «Материальное состояние».

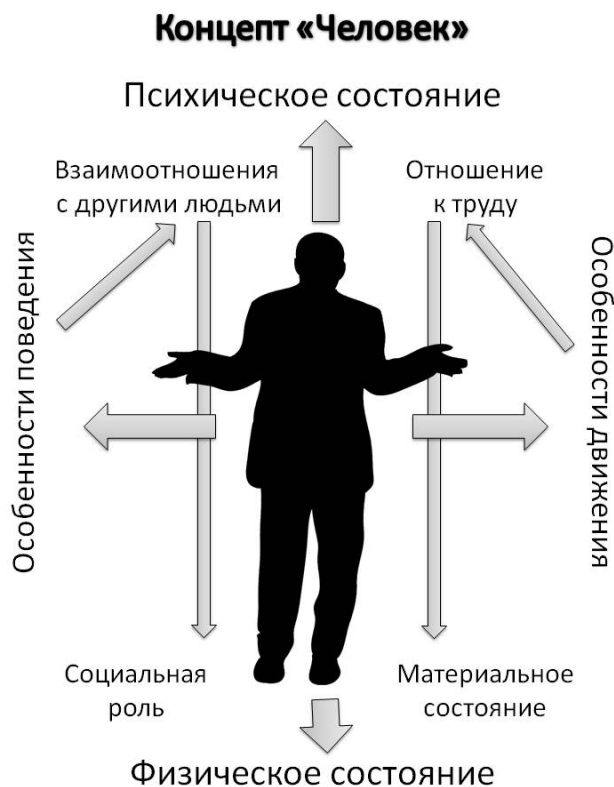

Figure 1. Система макрополей, отражающих структуру концепта «Человек» в рязанской региональной фразеологической картине мира

Каждое выделенное макрополе составляет микрополями:

- макрополе «Психическое состояние» – микрополя «Эмоции» и «Мышление»;
- макрополе «Физическое состояние» – микрополя «Здоровье» и «Внешность»;

- макрополе «Особенности поведения» – микрополя «Доброта», «Социальная роль», «Разговор» и «Конфликты»;

- макрополе «Особенности движения» – микрополя «Движение», «Трудовая деятельность», «Материальный достаток».

Figure 2. Модель концепта «Человек» в рязанской региональной фразеологической картине мира с указанием количественных значений

Как уже отмечалось выше, региональная картина мира отличается определенной замкнутостью и отражает менее образные представления о мире, чем национальная, которые более функциональны

и прагматичны: особенности быта, трудовой деятельности, конкретного окружающего животного и растительного мира, природных условий, узко распространенных обычаев и традиций и т.п.

Рязанская региональная фразеологическая картина мира

№ п/п	Лингвокод	Количество употреблений	Количество наименований
1	соматический	133	28
2	перцептивный	104	38
3	предметный	96	49
4	духовный	85	24
5	темпоральный	76	19
6	стихийный	63	29
7	зооморфный	58	38
8	архитектурный	54	16
9	вегетативный	5	26
10	антропоморфный	42	24
11	витальный	40	13
12	пищевой	38	20
13	колоративный	28	6
14	геометрический	27	3
15	вещественный	23	12
16	пространственный	18	9

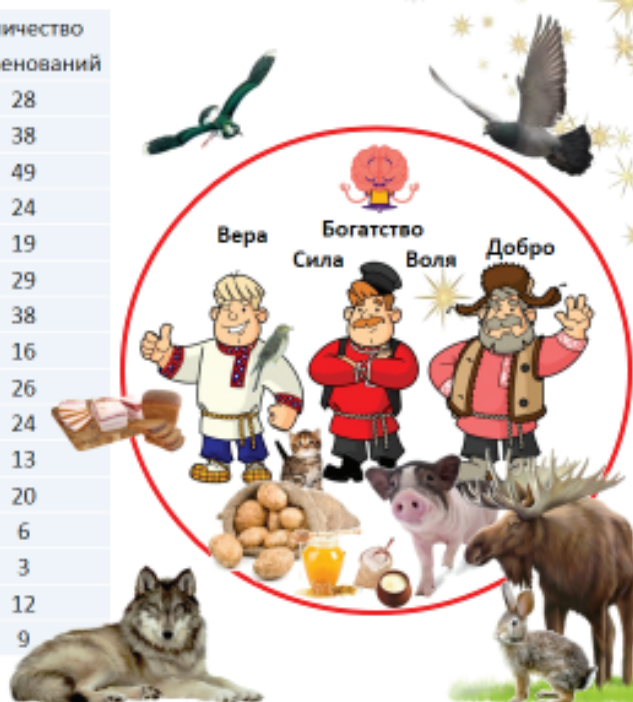

Figure 3. Модель рязанской региональной фразеологической картины мира

На основе анализа 16 выделенных культурных лингвокодов (соматический, перцептивный, предметный, духовный, темпоральный, стихийный, зооморфный, архитектурный, вегетативный, антропоморфный, витальный, пищевой, колоративный, геометрический, вещественный, пространственный) рязанских фразеологических диалектизмов получены данные о диалектной фразеологической картине мира носителей рязанских говоров. При описании были использованы две количественные характеристики – количество понятий (т.е. различных лексем) и количество упоминаний (т.е. частотность употребления той или иной лексики).

Особенное значение рязанцы придают глазам, рукам, голове и ногам. При восприятии другого человека в первую очередь жители Рязанского региона обращают внимание на возраст и умственные способности. Наиболее значимые жизненные ценности – вера, воля, добро, богатство и сила; большую роль в повседневной жизни играют суеверия. Самый важный временной отрезок – год. Среди животных и птиц диалектоносители отдают предпочтение зайцам, кошкам, волкам, лосям, свиньям, голубям, кукушкам и чибисам.

Образные цветовые ассоциации не слишком свойственны жителям Рязанской земли. Значимыми элементами природы являются трава, вода, огонь, заря и звезды. Погодные условия оцениваются по шкалам ясно / ненастно, тепло / холодно / морозно. Наиболее уважаемыми продуктами питания являются хлеб, картофель, масло, соль, сало и мед. Интересно, что геометрический и вещественный коды культуры представлены кругом и мягкостью, что, по всей видимости, свидетельствует об одобрительной оценке мягкости, уступчивости и неконфликтности характера человека. Центральным понятием духовного кода является душа.

Заключение

Таким образом, проблема применения методов лингвистического моделирования в исследованиях языковой картины мира решается посредством синтеза достижений полевой лингвистики, когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии. Ключевым

аспектом при создании такой модели является определение особенностей языкового материала, на котором базируется модель, и параметрических аспектов самой модели. В настоящем исследовании лингвистическая модель строится по следующим ключевым принципам: 1) учет специфических характеристик анализируемого явления; 2) использование концептуального подхода с интеграцией метода макро- и микрополей; 3) выявление и количественный анализ ключевых социокультурных лингвокодов, функционирующих в конкретном коллективе-носителе языка.

Учет специфических характеристик предполагает предварительный сбор данных и обработку их статистическими методами, что позволяет выявить определяющие аспекты на всех языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом, в том числе, фразеологическом, синтаксическом. Синтезирование отмеченной специфики позволяет делать выводы об уникальности языкового сегмента конкретной модели.

Использование принципов интеграции концептуального подхода с достижениями полевой лингвистики дает возможность внутренней стратификации концептов на макро- и микрополя, что, в свою очередь, позволяет детализировать и конкретизировать наполнение того или иного концепта, характеризующего коллектив-носитель.

Анализ культурных лингвокодов, описывающих своеобразие восприятия мира, добавляет физические уровни к лингвистической модели, позволяя прорисовывать пространственно-временную парадигму, ценностную шкалу коллектива-носителя, доминанты в области животного и растительного мира, суеверия и верования, особенности быта и жизнедеятельности, этнографическую компоненту и т.д.

Полученная в результате лингвистическая модель региональной картины мира является объективной и многоаспектной и может использоваться для дальнейших исследований как в области языкознания, так и смежных наук.

Список литературы:

1. Гаврилова Т. И. Диалектная лексика как форма выражения народной духовной культуры (на материале курских говоров) [Текст] / Т. И. Гаврилова, О. С. Куркина // Известия ЮЗГУ. Серия Лингвистика и педагогика. 2012. – № 2. – С. 149–153.
2. Васильев А. Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования: учебное пособие [Текст] / А. Д. Васильев. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 264 с.

3. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 203 с.
4. Белякова С. М. Жизнь и смерть в языковом сознании современного диалектоносителя [Текст] / С. М. Белякова // Материалы и исследования по русской диалектологии. Выпуск II (VIII). – М.: Наука, 2004. – С. 362–369.
5. Краева В. Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Краева Вероника Юрьевна. – Барнаул, 2007. – 255 с.
6. Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: монография [Текст] / Н. В. Лабунец. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. – 180 с.
7. Данилевская А. С. Диалектная фразеология русских говоров Приамурья как средство выражения региональной языковой картины мира [Текст] / А. С. Данилевская // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. – № 3. – С. 175–176.
8. Щербак А. С. Лексические группировки слов: взаимоотношение языковой и ономастической картины мира [Текст] / А. С. Щербак, А. А. Казанкова // Нефилология. 2017. – Т. 3 – № 4. – С. 42–49.
9. Валиулина С. В. Концепт и концептуальный анализ: учебное пособие [Текст] / С. В. Валиулина, Т. И. Лукиных. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. – 98 с.
10. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 272 с.
11. Карасик В. И. Языковое проявление личности [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2015. – 382 с.
12. Маслова В. А. Коды лингвокультурологии: учебное пособие [Текст] / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.
13. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) [Текст] / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
14. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС пресс, 2003. – 283 с.

Информация об авторе

Кипарисова София Олеговна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище;

Адрес: 390000, г. Рязань, пл. имени генерала армии В. Ф. Маргелова, 1;

E-mail: sofya_kiparisov@mail.ru; тел.: (4912) 93-01-63

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0065-3223>

S. O. KIPARISOVA,¹

¹ *Guards of the Ryazan higher airborne command school, Ryazan, Russia*

TO THE PROBLEM OF MODELING OF THE REGIONAL PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract

Objective: definition of concept parameters regional phraseological picture of the world using the method of linguistic modeling.

Methods: linguistic modeling, generalization, observation, qualitative and quantitative analysis, linguoconceptology analysis, field linguistics.

Results: the specific features of the phenomena of the linguistic picture of the world, the phraseological picture of the world and the regional picture of the world are determined. The parameters of creating a linguistic model of the regional phraseological picture of the world are proposed.

Scientific novelty: the author's version of the solution of the problem of creating a linguistic model is proposed.

Practical significance: the method of creating linguistic models opens up opportunities for linguistic local history, practical philology, psycholinguistics, linguoconceptology and anthropology.

Keywords: language picture of the world; phraseological picture of the world; regional picture of the world; concept; macropole; microfield; lingvocode.

References:

1. Gavrilova T. I. Dialect vocabulary as a form of expression of folk spiritual culture (based on the material of the Kursk dialects) [Text] / T. I. Gavrilova, O. S. Kurkina // Izvestiya SWSU. Linguistics and Pedagogy series. 2012.– No. 2.– P. 149–153.
2. Vasiliev A. D. Linguistic and cultural processes and the possibilities of their forecasting: textbook [Text] / A. D. Vasiliev.– Moscow: FLINT: Science, 2017.– 264 p.
3. Kubryakova E. S. In Search of the Essence of Language: cognitive Research [Text] / E. S. Kubryakova.– Moscow: Sign, 2012.– 203 p.
4. Belyakova S. M. Life and death in the language consciousness of a modern dialect speaker [Text] / S. M. Belyakova // Materials and research on Russian dialectology. Release II (VIII).– Moscow: Science, 2004.– P. 362–369.
5. Kraeva V. Yu. Dialect phraseology of Russian dialects of Altai (linguoculturological aspect): dissertation: 10.02.01 [Text] / V. Yu. Kraeva.– Barnaul, 2007.– 255 p.
6. Labunets N. V. Russian geographical terminology in the situation of language contact: monograph [Text] / N. V. Labunets.– Tyumen, 2007.– 180 p.
7. Danilevskaya A. S. Dialect phraseology of the Russian dialects of the Amur Region as a means of expressing the regional linguistic picture of the world [Text] / A. S. Danilevskaya // Problems of history, philology, and culture. 2014.– No. 3.– P. 175–176.
8. Shcherbak A. S. Lexical groupings of words: the relationship between the linguistic and onomastic picture of the world [Text] / A. S. Shcherbak, A. A. Kazankova // Neophilology. 2017.– No. 4.– P. 42–49.
9. Valiulina S. V. Concept and conceptual analysis: textbook [Text] / S. V. Valiulina, T. I. Lukinykh.– Irkutsk, 2011.– 98 p.
10. Vezhbitskaya A. Comparison of cultures through the medium of vocabulary and pragmatics [Text] / A. Vezhbitskaya.– Moscow: Languages of Slavic culture, 2008.– 272 p.
11. Karasik V. I. Linguistic manifestation of personality [Text] / V. I. Karasik.– Moscow: Gnosis, 2015.– 382 p.
12. Maslova V. A. Codes of linguoculturology: a textbook [Text] / V. A. Maslova, M. V. Pimenova.– Moscow: FLINT: Science, 2016.– 180 p.
13. Krasnykh V. V. Codes and standards of culture (invitation to a conversation) [Text] / V. V. Krasnykh // Language, consciousness, communication.– Moscow: MAX press, 2001.– No. 19.– P. 5–19.
14. Krasnykh V. V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology [Text] V. V. Krasnykh // Language, consciousness, communication.– Moscow: MAX press, 2003.– 283 p.

Information about the authors

Sofiya O. Kiparisova, candidate of Philology, senior lecturer of the Chair of Russian, Guards of the Ryazan higher airborne command school;

Address: 1 Margelov square, 390000, Ryazan, Russia;

E-mail: sofiya_kiparisov@mail.ru; tel.: +7 (4912) 93-01-63

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0065-3223>

Contents

Study of art	3
<i>I. A. Tymchenko-Bykhun</i>	
M. GLINKA'S 'ANDALUSIAN DANCE' AND ITS AUTOBIOGRAPHIC MEANINGS.....	3
Pedagogy	9
<i>E. S. Mikhaleva, A. V. Grintsova</i>	
CHILDREN'S SOCIAL DESIGN AS A WAY OF ORGANIZING CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION	9
<i>E. S. Mikhaleva, G. S. Sayfutdinova</i>	
THE INCLUSION OF CREATIVE TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE FUTURE ENGINEER.....	17
Philology and linguistics	23
<i>Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova</i>	
ANIMALISTIC METAPHORS AND SIMILES OF THE ENGLISH LANGUAGE BASED ON THE IMAGE OF DOMESTIC ANIMALS.....	23
<i>S. O. Kiparisova</i>	
TO THE PROBLEM OF MODELING OF THE REGIONAL PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD	31